

Максим Исаев

# СЛЕД ЛЮБВИ



18+

# Максим Исаев

## След любви

*<https://litres.ru/74669253>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Аннотация. След любви

Коля и Катя школьники. Ему 17, ей нет ещё 16. Они любят друг друга. Мать Кати, одинокая и властная женщина, узнав о её беременности, требует сделать аборт. Она отказывается. Родители Коли тоже против аборта. У матери Кати старые счёты с отцом Коли – отвергнутая любовь. Она, изолировав дочь, сажает Колю в тюрьму. Катя, вырвавшись на свободу, убегает из дома, уезжает в неизвестность. Выйдя из тюрьмы, Коля ищет Катю по всей стране и, преодолевая невероятные приключения, находит свою любовь и повзрослевшую дочь через 25 лет.

# След любви

Сборник повестей и рассказов

## След любви

*Киноповесть*

1

Она была красивой. И телом, и душой. Её немного стеснительная улыбка, излучающая необычайное тепло, её голубые с серой окантовкой глаза, её плавные, как у дельфина, движения — всё в ней нравилось ему. Её элегантная фигура, облачённая в униформу работницы магазина ювелирных изделий, движения нежных рук, высокие стройные ноги, милые ступни небольшого размера, обрамлённые в красные туфли на высоком каблуке, ярко-красного цвета ногти, изящная походка на фоне ярких витрин не могли оставить равнодушным даже его, на вид достаточно пожилого человека. Впрочем, его она волновала особенно.

Он подолгу стоял у входа, не решаясь войти, чтобы посмотреть на неё вблизи, и наблюдал за ней через стекло витрины; наблюдал за её движениями, за её причёской, за её до боли знакомой чарующей улыбкой и ловил себя на неудержимом желании подойти к ней, взять её руки в свои ладони, поцеловать и сказать, что любит её, что любил всегда, всю жизнь, пока искал. Но он боялся, не заходил, заставлял себя

развернуться и уйти, пытался совладать собой, вытирая капли любви и тоски на глазах.

Он был плохо одет, седая борода и лохмотья на голове придавали ему намного больший возраст, чем на самом деле.

Уже вечерело, когда он в очередной раз сидел на скамейке недалеко от ювелирного магазина и тихо плакал.

— Отец, вам плохо? Я могу вам помочь? — услышал старик и встрепенулся от неожиданности.

Он ничего не ответил, только спешно вытер глаза и оглянулся по сторонам. Он не мог ответить. В его лёгких не было воздуха, чтобы озвучить слова, его горло сжалось от боли, мысли куда-то улетели, слова потерялись, остались только боль и безысходность.

Молодой человек сел на скамью рядом с ним и ещё раз повторил:

— Отец, вам плохо?

Старик посмотрел на молодого человека и сразу отвернулся, чтобы вдохнуть воздух в лёгкие, но он не успел наполнить грудь, как воздух из него вырвался наружу громким, тяжким, продолжительным стоном. Плохо? Эх, знал бы ты, молодой человек, как ему плохо! Ох, как плохо!

Молодой человек этого не знал, он даже представить себе не мог, насколько плохо старику, что он испытывал многие годы, чтобы найти её, через что пришлось ему пройти, чтобы настал этот день, а теперь, когда, наконец, нашёл её, он оказался беспомощным, растерянным, и не знал, как дальше

быть.

Молодой человек выждал пару минут, пока старик успокоился, и, обняв за его худые плечи, проговорил сочувственно:

— Отец, расскажите мне, что у вас случилось. Я помогу вам.

Старик повернулся к молодому человеку, недоверчиво уставился на него и, взмахнув сморщенными руками, выдал из себя тихие обречённые слова:

— А чем ты мне поможешь, сынок? Тут уже вряд ли кто поможет.

— А вы расскажите, а вдруг смогу.

После недолгих уговоров, старик рассказал душераздирающую историю, которую молодой человек слушал затаив дыхание.

## 2

Молодому Коле, отличнику учёбы и перспективному спортсмену, гордости школы, исполнилось шестнадцать лет, когда он, впервые почувствовав в своём организме созревающие плоды мужской силы, обратил внимание на распускающиеся почки зрелости красавицы Катерины из восьмого класса. Искра между их душами и телами не только пролетела, она сразила их наповал сразу же после первого неумелого детского поцелуя. Вспыхнувший в их сердцах огонь Прометея успокоить не удавалось долго — до тех пор, по-

ка юная Катя не почувствовала рождения в своём организме ещё одной жизни. Небо, в лице матери Кати Анны Алексеевны, женщины властной и честолюбивой, разразилось громом, молнии от которого долетели и до родителей Коли, которые, пребывая в шоке, тоже потеряли тропу жизни и ориентиры в пространстве.

Катя, спасаясь от гнева матери, в поисках защиты прибежала к Коле, родители которого, будучи опытными педагогами, приютили потенциальную невестку, утешили юное дитя, обласкали. И казалось бы, гроза пронеслась, не сильно задев ранимую душу хрупкого создания, но грозовые облака всё не рассеивались, они грозили поразить зарождающуюся жизнь в душе и животе Кати: мать требовала немедленно сделать аборт, а затем вернуться к родителям и каяться, очистив осмелившееся влюбиться без веления на то суровой матери сердце от смуты.

Коля пытался защитить свою Заю как мог; с этой целью он даже ворвался к её родителям. Но очень быстро остыл под угрозами возможного ареста и тюремного срока за растление несовершеннолетней, которые прозвучали из чиновничьих уст матери Кати. В результате намекнул любимой, что, может, послушаться старших, родителей своих.

Такое поведение Коли Катя посчитала предательством, плакала всю ночь, а на следующий день исчезла, прихватив с собой небольшую сумму, переданную ей сердобольной ма-

терью Коли.

Влюблённый без ума Коля тогда немного растерялся, не знал, что делать, как поступить, и даже надеялся, что Катя вернётся. Она не вернулась, и Коля стал постепенно приходить в себя, пытался успокоиться, забыть её и даже почти уже забыл... Но неизвестно откуда позвонила Катя и сообщила, что у него родилась дочь и что она назвала её Ириной. Сообщила и сразу бросила трубку. Этот звонок сразил наповал, перевернул только начинающуюся взрослую жизнь Николая. Он был одержим, его охватила мечта найти свою любовь, увидеть дочь, взять её на руки, покачать, послушать её плач и смех, радоваться первым шагам, первым её словам... Думал и о Кате: как она? Где теперь её искать? Где приютилась, на что живёт? Конечно, обиделась на него, но она же не знает, что ему сказала её мать, как пригрозила, отчего он испугался, почувствовал беспомощность. Он не верил, что Катя разлюбила его, был уверен, что простит его минутную слабость, если он найдёт её и объяснится: у него был шок и страх, он боялся так рано стать отцом, а тут ещё угрозы её матери. Но Николай и тогда не просил сделать аборт, просто сказал, что мать требует. А теперь со своей нетерпеливой любовью Коля был на грани безрассудства.

Через день Коля продал новенький мотоцикл, подаренный ему родителями в честь окончания школы с отличием, собрал вещи и, оставив короткую записку родителям, шагнул в полную неизвестность.

— С того дня прошло двадцать пять лет, или 9125 дней, и не было ни одного дня, чтобы я не думал о ней. Все эти годы, все эти девять тысяч дней я искал её, безумно хотел её найти. Каждый день мысленно пытался представить себе, как они там без отца, без мужа, о чём болит душа, по ком стучит сердце, как выглядит дочь, как плачет, как спит, что делает, на кого похожа, какие у неё глаза, волосы... У других детей есть папа, а у моей девочки нет... Я жил с этими мыслями, этими картинками, созданными в моей голове, каждый день. Я был уверен, что быстро найду их, крепко обниму и поцелую, возьму дочь на руки, покатаю в коляске, потом на качелях, на деревянном коне; зажгу свечи на её день рождения... Я не верил, мне даже в голову не могло прийти, что я потерял их так надолго, почти на всю жизнь, на двадцать пять лет...

Но судьба играла с Колей в прятки, жестоко обманывая его.

Первым городом, куда в поисках своей любимой прибыл Коля, был Хабаровск. Как-то в разговоре Катя мельком обронила, что там, в Хабаровске, живёт её тётя по линии отца и что она приглашала её в гости. Это она потому рассказала, что сам Коля намекнул о возможном поступлении в Дальневосточный институт физической культуры, поскольку туда его приглашает бывший тренер по боксу.

Бывшего тренера Коля нашёл быстро. Тот радостно встре-

тил перспективного боксёра, принял его в свою команду, устроил в общежитие. Не успев ещё обвыкнуться в новых условиях, Коля сразу начал искать своих девочек — Катю и дочь Ирину. Уставшие, изморённые на тренировках ноги требовали покоя, горизонтального положения, но Коля использовал каждый свободный час для поиска, через силу волоча онемевшие ноги. Облазив все родильные дома, все загсы города, он не нашёл ниточку, за которую можно было бы зацепиться. Нервничал, злился, быковал на ринге. Тренер заметил агрессию в его поведении, попытался расколоть душу, но она была заперта. Николай не мог рассказать о своём горе-кручине, отчего и впадал в уныние. Да и успехов на ринге особо не было.

Тем временем наступили нулевые годы. Страну поразила чёрная плесень рэкета, разбоя, убийств. Изворотистые парни, потерянные суматохой перестройки, кучковались в волчьи стаи. Им нужны были мускулистые пацаны. Вступить в бригаду Коле предложил его партнёр по рингу. Тот согласился сразу — нужны были деньги, чтобы сунуть их кому надо в поисках следов любимой. Началась новая жизнь.

Далеко не слабый умом и крепкий здоровьем мастер спорта по боксу Кальян, как его стали называть в бригаде, быстро освоился в новой роли и даже стал серьёзным авторитетом среди корешей. Пил умеренно, девочками сильно не увлекался и не забывал цель свою, для чего собирал деньги. Де-

нег же было много, очень много. Воспитанному в порядочной семье, в праведных нравах, Коле не нравилось то, чем он занимался вместе с бригадой, но уговаривал, утешал себя тем, что вот ещё чуть-чуть, ещё немного потерпеть, а там, имея уже приличные деньги в кармане, легче будет отыскать своих любимых девочек.

Не успел Кальян дать дёру за своей мечтой, повязали его вместе с ещё несколькими бойцами бригады и упекли в строгач на целых восемь лет. Он ещё легко отделался, — крови на нём не было, он искренне раскаялся, рассказал, для чего ему нужны были деньги, да и спортивное прошлое его, медали на первенствах города, области подействовали на сердобольную судью пожилого возраста.

Оттянул он срок на зоне шесть лет с копейками. За хорошее поведение выпустили его по условно-досрочному. Но в Хабаровске, несмотря на уговоры бывших кентов, он не остался, объяснив честно, что не хочет больше пачкаться криминалом и что он обязан найти своих любимых девочек. Кенты поняли его, отпустили с богом, а ещё и денег добавили к его заработанной тяжким трудом на зоне сумме.

### 3

Коля не знал, куда ехать и где искать Катю, свою любимую Катерину, и дочь Иру. Рассуждал так: ну не могла же она в таком положении поехать на Север; скорее всего, она поехала в сторону материка, ближе к центру, в большой го-

род, чтобы бросившая всё на её поиски мать не достала и не вынудила дочь лечь в больницу на аборт.

Чита встретила Колю лютым декабрьским морозом и длинными, не привычными для него ночами, а ещё — дикими метелями и сугробами, которых Коля не видел у себя во Владивостоке. Всё это не понравилась ему, и он сразу пустился в бега по роддомам и загсам — должна же быть где-то ниточка, за которую он зацепился бы.

Никаких зацепок Коля не нашёл, и через недельку тщетных поисков он поехал дальше за своей мечтой.

Через двое суток, выспавшись и отдохнув в поезде, Коля вышел из купейного вагона поезда Хабаровск — Москва, пока ещё полный надежд и желания во что бы то ни стало найти свою Катерину и дочурку Иришу. И нашёл. Только не совсем Катю, вернее, совсем не свою Катю.

Случилось это так.

В Красноярске на остановке в ожидании автобуса, недалеко от вокзала, стояла девушка.

Увидев её, Коля бросился к ней, громко крича на ходу: «Катя! Катя!» Затем подбежал, обнял её так, что девушка еле вырвалась из его рук со словами:

— Молодой человек! Мужчина! Что вы позволяете! Отпустите меня немедленно!

— Катя, ты что, не узнаёшь меня? Я же Коля! — растерянно пробормотал Коля, уставившись на неё.

— Не знаю я никакого Колю! — возмутилась девушка.

— Как? Как? Я Коля! Владивосток! — не верил он своим ушам.

— Какой Владивосток, мужчина! О чём вы?!

— Ты разве не Катя? — пробурчал Коля, теряя неожиданно вспыхнувшую надежду.

— Я Катя, но причём тут Владивосток! Я там никогда не была.

Коля опустил голову на грудь, у него отнялись руки, он отошёл, сел на скамью и зарыдал, закрыв лицо ладонями. Слезы молодого незнакомого человека тронули девушку, она минуту постояла, затем села рядом и положила руку на плечо Коли.

— Что, так всё плохо? — спросила она участливо.

— Ты даже не представляешь себе, как мне плохо! Как тяжело! — резким вздохом выхватив воздух, пробасил Коля через рыдание.

— А кто она тебе, Катя эта?

Вопрос застал его врасплох. Он поднял голову, вытер слёзы, посмотрел на неё и задумался: в самом деле, кто она ему? Кто они ему — Катя и маленькая Иринка, дочь её? И мало ли людей, которые имеют детей где-то далеко, не видят их или даже не знают об их существовании. И как это описать? Но Коля нашёл объяснения. Он нашёл слова, с помощью которых попытался объяснить ей, но прежде всего объяснить себе, свои чувства и мысли:

— Мне было шестнадцать лет, а ей — всего пятнадцать,

когда мы стали неразлучным единым организмом, единой идеей жизни, единой философией. Мы одинаково хорошо учились, одинаково смеялись, думали одинаково, любили одинаково. Любовь эта была не физическая, не физиологическая, вернее не только физиологическая, но, прежде всего, духовная. Мы не могли друг без друга ни одного дня. Мы были две половины одного целого, неразрывного.

— О боже мой, я сейчас расплачусь. Разве такое бывает?!

— Ну вот, бывает. Мы были и, надеюсь, есть и сейчас.

— И что же могло вам помешать? Почему расстались?

— Мама её... Да и я тоже... И она убежала. Одна, беременная. Исчезла. А я попал в историю. На целых шесть лет.

— О боже, ещё и беременная.

— Маленькая хрупкая девочка. Моя Катя. И вот теперь ищу их, Катю и дочь мою маленькую, Ирину. Я им нужен. Очень нужен. Они одни в этом чужом для них мире, их некому любить, защищать. Я нужен им. А ты похожа на неё очень. Поэтому... Обрадовался сильно, потерял контроль.

— Да ничего, ничего. А где ты будешь их искать?

— Роддома, загсы...

— А где ты остановился, Коля?

— Пока нигде. Только приехал.

— Вот что, Коля. Поехали со мной. Вон, автобус уже едет.

— Куда поехали?

— Ко мне домой. Новый год на носу, всё кругом закрыто, не до тебя будет. Поживёшь у меня несколько дней, вместе

и праздник отметим, а после я помогу тебе. Будем вместе искать.

— Домой? А удобно?

— Я живу с мамой. Она поймёт меня. У меня очень хорошая мама.

Коля долго и пристально смотрел на неё, потом слегка улыбнулся, взял её руку и сказал:

— Ладно, поехали. Ты очень похожа на неё. И тоже Катя.

После праздников Катя на целый месяц распрощалась с родной библиотекой, объяснив коллегам ситуацию, и они вдвоём с Колей обошли, объехали все учреждения города, где только можно было искать хоть какую-нибудь весточку о пропавших девочках. Но всё было тщетно. С каждым разом Коля всё больше впадал в уныние, опускал руки, не помогали даже утешения Кати, ставшей уже близким для Коли человеком, и он засобиравшись в дорогу.

— Может, останешься? — тихо спросила Катя, сама не веря, что Коля может остаться.

— Катя, ты очень хорошая. Ты славная. Я очень благодарен тебе, но... Там дочь моя. Я нужен ей. Я должен её найти. Пойми меня, Катя.

Катя поняла его и пошла провожать на вокзал. Шли молча. Каждый думал о своём. В глубоком раздумье о том, что и куда дальше, Коля забыл, что он не один, что рядом с ним идёт Катя, пошёл через дорогу на красный свет, не услышал крики Кати и попал под машину. Лихой таксист не смог оста-

новиться на скользкой январской дороге и на полном ходу врезался в нарушителя правил. Скорая, милиция, протоколы, переломы, операция, гипс... Катя всё это время была рядом, навещала его в больнице, а после хромающего, прыгающего на костылях забрала к себе. Так, на целых полгода Коля притормозил в Красноярске у Кати, пусть даже не той, которую он ищет, но очень на неё похожей и уже ставшей для него родной, близкой и даже немножечко любимой.

Мать Кати, опытный педагог, находила тактичный подход к ситуации, находила возможность не вмешиваться в дела и поведение взрослой дочери, хвалила Колю за преданность своей любимой, за желание найти дочь, но в последнее время уже стала осторожно намекать, что была бы не против нянчить внуков, ведь скоро ей на пенсию. Коля при этом чувствовал себя немного виноватым, терялся, не зная, что ответить, краснел и молчал. Катя в такие минуты безуспешно пыталась прочитать в его глазах мысли. Но в голове у Коли была только одна мысль, и это было свято для Кати и её матери. Как люди воспитанные, интеллигентные, они не могли относиться неуважительно к чувствам безнадёжно влюблённого Ромео. Понимали его безудержную решительность искать иголку в стоге сена, его настрой ехать и дальше за своей мечтой. И он поехал.

На перроне Катя обняла его и, дрожа от волнения, спросила сквозь слёзы:

— Может останешься?

Коля прижал её сильно, горячо поцеловал несколько раз, и ответил:

— Катя, ты замечательная, ты красивая и умная, ты добрая. Приютила меня, совсем чужого человека, ухаживала за мной, кормила меня вкусняшками, ты стала мне родной. Я мог бы остаться, Катя, но, между нами всегда, всю жизнь будет пропасть. Я буду думать о другой, о других — о моей Кате и дочери. Мы оба устанем от этого, начнутся ревность, непонимание, которые станут причиной раздора и расставания. Я хочу, чтобы ты поняла меня.

— Я понимаю. Пытаюсь понять. Но я полюбила тебя, Коля. Я впервые в жизни так влюбилась. Глубоко, искренне. Я тоже хочу, чтобы ты знал, ну, если у тебя не получится... если вздумаешь... в общем, я буду тебя ждать. Столько, сколько надо. Сколько скажешь. Звони мне. Не теряйся, пожалуйста. Звони хоть изредка, хоть иногда. Обещай.

— Обещаю, — сказал Коля твёрдо и, резко развернувшись, прыгнул на ступеньки вагона, оставив на перроне плачущую Катерину.

Нехарактерная для столицы Сибири безветренная погода и палящий зной в Новосибирске пучил асфальт, жарил людей на улице; в магазинах покупатели образовали очередь за мороженым и подолгу задерживались в прохладном помещении, чтобы остудить свои тела. В здании железнодорож-

ного вокзала душно, тесно, встречные потоки пассажиров с трудом расходятся, спешат кто в отпуск, на море, а кто уже возвращаются, образуя бронзовую струю от загара с довольными штампами улыбок на лицах.

Коля вышел из вагона последним. На улице перед входом в зал ожидания стояла девочка, прижавшись к стене, и, вытирая слёзы, растерянно смотрела по сторонам.

— Что случилось, девочка? Почему плачешь? — спросил Коля, присев перед ней. Девочка закрыла глаза ладонями, взорвалась плачем и опустилась на асфальт.

— Ну, ну, ну, перестань, расскажи, что случилось. Ты тут одна? А где родители?

— Нету у меня родителей, я с бабушкой живу, — еле вырвала из себя девочка, захлёбываясь.

— Так... Ну-ка перестань плакать. Иди, садись на скамью и рассказывай, — Коля взял её за ручку, усадил на скамью, стоящую недалеко от входа в зал ожидания, сел рядом.

— Скажи-ка мне, красавица, как тебя зовут?

— Настя.

— А бабушка где твоя, Настя? Почему ты тут одна?

— Бабушка далеко. В деревне.

— В деревне? А ты тут как оказалась? Одна? Убежала, что ли?

— Не убежала я. В аквапарк приезжала. Бабушка разрешила, — сказала девочка с упрёком в голосе, перестав хныкать.

— Так в чём же проблема, если разрешила?

— Я домой не могу ехать. Деньги потеряла. Билет не на что купить.

— Ах вон оно что! Ну-ка, пошли со мной! Мы решим вопрос.

Коля взял девочку за руку, привёл к кассе и скомандовал:

— Давай, Настенька, скажи тётенке, куда тебе надо ехать, и я куплю тебе билет. Делов-то! А ты плачешь.

— А деньги у тебя есть?

— Есть, Настенька, есть! Много у меня денег.

— Откуда у тебя много денег?

— Я банк ограбил, Настя! Только ты никому об этом, ладно? — Коля рассмеялся, и погладил девочку по голове. — Я шучу. Но деньги есть. Заказывай.

Дождавшись поезда, Коля поручил Настю проводнице и, проглотив полную грудь воздуха, наполненного добротой, опять шагнул в сторону города.

— Молодой человек, а ты всем помогаешь? — услышал он, как только приблизился к зданию вокзала.

Слева от двери стояла симпатичная девушка и широко улыбалась. Коля разведал пространство вокруг себя: в его ли уши адресован вопрос, но никого не обнаружив в ближнем радиусе, спросил всё же, дабы удостовериться:

— Вы это мне?

— Тебе! Тебе! — ещё больше улыбнулась она. Затем при-

близилась и протянула руку: — Наташа. Наташа Воробьёва.

— Ну, приятно. Коля. И чем же вам я могу помочь?

— Да чемодан у меня тяжёлый, хотела попросить помочь, если нам по пути. Тебе куда ехать?

— Пока не знаю. Я чужой в вашем городе. Я ищу следы своей любимой жены и дочери.

— Ты потерял семью? А как это случилось? Они убежали, что ли?

— Долго рассказывать.

— И как давно она убежала?

— Восемь лет уже?

— Восемь лет? Ты ищешь свою жену восемь лет?

— Так получилось.

— Вот это мужчина! Вот это герой! И как ты их собираешься искать в чужом городе?

— По родильным домам. В милицию постучусь.

— Ну надо же, как повезло женщине! Меня бы хоть какая сволочь так искала!.. Вот что, Коля. Поехали ко мне. Я тебе помогу. В милиции у меня свои люди.

— Да неудобно как-то стеснять вас.

— Никого ты не стесняешь. Я одна живу. Поехали.

Оккупировав квартиру Наташи, Коля на целый день уселся ей хвост и плёлся за ней по всему городу, как тяжёлый прицеп за легковым авто.

Вечером Наташа накрыла шикарный стол с копчёной колбасой и бутылкой коньяка.

— Слушай, откуда у тебя всё это? Страна развалилась, Союз умер, кругом дефицит, разруха...

— Старые каналы. Я в торговле работала. Давай наливай, выпьем за знакомство.

Коля налил. Выпили, закусили. За разговорами о судьбе, о бурных переменах в стране, забастовках шахтёров, о потерянных работах и пустых прилавках в магазинах вечер плавно перешёл в ночь, и искатель счастья с трудом перенёс свои отёкшие ноги и охмелевшую голову к долгожданной подушке и мгновенно перешёл из бурной и живой жизни в волшебное царство сна.

Спал Коля долго. И крепко. А проснувшись ближе к обеду, не обнаружил в квартире ни Наташу, ни следов её пребывания в этих стенах. Первая мысль: «Может, в магазин пошла, чтобы на завтрак прикупить» в скором времени стала переходить в необъяснимое чувство нарастающей тревоги: её нет уже вон сколько! Тревога эта заставила его отрезветь, и он резко бросился за своим вещмешком. Всё на месте. Всё, кроме денег! Денег нет. Никаких. Даже рубля, даже мелочи! До Коли дошло. У него онемели ноги, отупела голова, упали руки на колени и голова на грудь. Он не знал, что думать, что делать, как дальше жить, к кому обратиться. Кто такая, эта Наташа? Где и как её искать, чтобы замочить сразу без вопросов?

Обуреваемый такими страшными мыслями, Коля просидел неподвижно целую вечность. Вечность закончилась, ко-

гда в квартире раздался звонок. Коля открыл дверь, без вопросов отошёл и сел на прежнее место. Звонивших было двое. Они прошли в спальню, посмотрели на Колю и стали задавать вопросы. Только теперь Коля вспомнил, что звонил он сам в милицию.

После проверки документов лейтенант составил протокол и прочитал Коле лекцию о международном положении и отсутствии надежды найти иголку в стоге сена:

— Квартира сдаётся на сутки, по звонку клиент встречается с хозяйкой, оплачивает ей наличными, а она даже не имеет права заглянуть в паспорт клиента. Так что... — лейтенант взял паузу и посмотрел на Колю, чтобы уловить его настроение. — Заявление писать будете?.. Значит, не будете. И это правильно. Мало надежды.

Представители закона с тем и удалились. Коля посидел с часок в поисках идей о дальнейших шагах в жизни и вышел в город, чтобы найти ту самую идею жизни на ближайшие часы, чтобы хоть на кусок хлеба раздобыть денег. А город не ждал такого бродягу с большим желанием заработать хоть какие-то деньги, у него, у города этого, таких бродяг в то время была целая дивизия.

Вечером, уставший и голодный, Коля сел на скамью в парке где-то в центре города. Недалеко от него шумно веселилась подвыпившая компания молодых парней школьного

возраста. Расположившись прямо на скамье, они распивали горячительные напитки и закусывали, отламывая большие куски дефицитной колбасы.

Запах еды ударил Коле в нос. В животе пробурлило острым голодом. Он не выдержал испытания и подошёл к парням:

— Пацаны, может, угостите кусочком хлеба? В беду я попал, денег нет ни капли. Украли.

— Да катись ты отсюда, бомжара! Не мешай! Не видишь, люди приличные отдыхают!

Такого унижения в жизни Коля ещё не испытывал. Он забыл про голод, он забыл про деньги, про еду; его одолело чувство отчаяния и беспомощности. В горле еле сдержал горький стон. Он вернулся на своё место и упал на скамью, не чувствуя ног.

Малолетки, уже изрядно хватившие, распустились вдрызг. Они приставали к прохожим, обзывались дурно и ржали им вслед идиотски. Одна девушка осмелилась ответить на их хамство, после чего сразу же была окружена очумевшими придурками. Один схватил её за руки сзади, другой отобрал сумочку, третий, самый наглый из них, стал растёгивать её блузку:

— Сейчас мы тебе покажем, что мы совсем даже не придурки, а очень нежные мальчишки. Мы правда нежные, кабаны? — обратился он между делом к своим друзьям.

Те поржали так, что рёв машин стало не слышно.

— Помогите! Помогите! — заголосила девушка, уже не в

шутку испугавшись.

Коля видел всё это, но желание помочь девушке у него возникло не сразу. Некоторое время он смотрел на неё с презрением и даже с радостью: так вам и надо, стервам, воровайкам и мошенницам. Сейчас он ненавидел девушек и имел на это серьёзную причину. Но он ещё больше ненавидел этих пьяных оболтусов, так унизивших его мужское достоинство.

Он подошёл к малолетним соплякам и, ничего не говоря, стал бить их по очереди, лупить отчаянно, с наслаждением, дико, жестоко, долго.

Когда прибыл наряд милиции, Коля спокойно сидел на скамье и уже доедал последний кусок колбасы.

Один из пострадавших отморозков оказался сынком влиятельной дамы из городской торговой сети и, учитывая её возможности в ситуации тотального дефицита, суд определил для Коли срок тюремного заключения в пять лет. За съеденную колбасу ему приписали разбой, за разбитые в кровь наглые морды приписали тяжкие телесные повреждения, и всё в этом духе.

Коля выслушал приговор спокойно, его сейчас не интересовали ни приговор, ни срок отсидки; он уже строил планы бегства и от правосудия, и от людей, и от этого города подалее, как только появится хоть маленький шанс для этого.

Шанс к побегу у Коли появился только через два года, когда его, как дисциплинированного заключённого, но в основном из-за нехватки мест на зоне, перевели на вольняк —

вольное поселение. Однажды ночью он исчез. Просто растворился в пространстве и во времени. Никто ничего не знал. Тюремщики побегали для отчёта, искали, сообщили куда надо, разослали приметы и фото и успокоились: куда он денется без паспорта, без денег! Объявится где-нибудь. Поймаем!

Не поймали. Коля нигде не объявился. Его проглотила тайга. В тайге он чувствовал себя хоть и не очень уверенно, но зато свободно. Когда провизия из заранее оборудованного тайника закончилась, он питался ягодами, ловил рыбу на озёрах и шёл. Шёл он каждый день. Шёл до полного изнеможения! На запад, в сторону столицы, подальше от этих диких мест и людей, за своей мечтой, за своими девочками, ориентируясь по солнцу, впроголодь, рискуя упасть от голода и усталости или быть съеденным зверями и навсегда остаться тут, в тайге. Но почему-то он сейчас не боялся лесных зверей, он боялся людей.

Он не знал, сколько дней, недель или месяцев он наслаждается свободой и упивается своей мечтой; он сбился со счёта. Тем временем наступила осень и холодные ночи. Ему всё труднее стало двигаться, находить себе пропитание в тайге; истощённый и исхудавший организм требовал покоя, еды, отдыха. Но Коля шёл, не поддаваясь зарождающейся глубоко внутри панике. Шёл, преодолевая болота, речки, озёра, горы.

Небо начало плакать первыми мокрыми хлопьями снега,

когда Коля набрёл на небольшую деревушку в тайге и постучался в окно первого попавшегося домика — у него не было выбора, он не хотел упасть на мокрую жёлтую листву и унести с собой на тот свет свою мечту.

6

— О, слава тебе господи! Очухался! — услышал слова Коля, как только открыл глаза и начал вспоминать последние дни своей затерянной в тайге жизни. К нему мелкими шагами подошёл невысокого роста старик и присел на табурет возле кровати, где лежал Коля и безуспешно пытался встать.

— Ты лежи, лежи, сынок! Я сам. Воды тебе или чего покушать? — поторопился старик успокоить его, придавливая его к постели.

— Где я? — спросил Коля, до конца ещё не понимая, что с ним произошло.

— Ты об этом не думай, сынок. Лежи. Не волнуйся. Всё будет хорошо.

— Что со мной?

— Ну, простудился ты маленько, сынок. Две недели без сознания. А я боролся с жаром. Жар был у тебя сильный. Думал, не справлюсь, а вот травы мои помогли. Ну и слава богу. А ты что, не помнишь, что с тобой?

— Нет, не помню.

— Ну это ничего. Пройдёт время, вспомнишь. Это ты ещё

в форму не вошёл. Ты лежи, я сейчас покормлю тебя. А то не кушал уже сколько. А есть надо. Голодное тело, оно не может победить болезнь без еды. Покушать надо. Я сейчас подам. А потом компресс положу на спину. Помогает. Кстати, а как тебя зовут, сынок?

— Кажется, Коля. Николай. Если не забыл... Нет, не забыл. Коля. Точно, Коля. А вас как зовут?

— Ну вот такое совпадение, сынок, — меня тоже прозвали Николаем. Николай Иванович я от рода вот уже восьмой десяток.

— Очень приятно, Николай Иванович. А вы тут один живёте?

— Я сразу понял, Коля, что ты беглый. Но тебе нет причины бояться. Тут тебя никто не будет искать. Мы тут и богом и людьми забытые. Кругом только тайга. Полдюжины стариков в деревне нас осталось, и тех уже земля сырая зовёт к себе. Залетает ко мне иной раз племянница внучатая, макарон, колбаски какой привезёт, а так живём, как и медведи в своей берлоге. Автобус редко ходит. Дороги...

В хижине старика внучатая племянница появилась через неделю после его разговора с Колей. К тому времени Коля уже был на ногах и в полном понимании своего конфликтного с законом состояния. Николаю Ивановичу он доверился сразу и выложил всё как есть в надежде услышать от старика подсказку к выходу из житейского лабиринта. Но что может ему посоветовать оторванный от мира старик! Хоть и

не вполне надёжный вариант, но всё же хоть что-то, — внучатая племянница старика предложила ему какое-то время пожить в монастыре.

— Что ты такое говоришь, внученька? Кто же его в женский монастырь-то пущать будет?

— У нас же там и мужской монастырь есть, дедушка. Недалеко совсем. Я его туда и поведу.

Так Коля оказался в монастыре уже на следующий день. Временный приют дал Коле крышу над головой на целых три с лишним года. Да он особо и не торопился продолжить свои поиски любимых женщин, понимая, что без паспорта, без денег не сможет даже пропитание себе раздобыть, если только не попрошайничать. А этого Коля не мог допустить даже в мыслях своих: он, здоровый пока ещё мужик, боксёр именитый — и вдруг стоит на улице с протянутой рукой? Нет, не бывать такому!

Ему нравилось жить в монастыре. Здесь к нему относились по-доброму и с пониманием. Он открылся батюшке, рассказал и то, как попал за решётку, и почему ему нужно было сбежать, вырваться на свободу. С ним много беседовал батюшка, который обладал высочайшим искусством общения и убеждения. В разговорах с ним Коля нашёл в себе бога, понял многое, о чём раньше и не задумывался. Его тянуло к таким беседам, в них он искал свою правду жизни, своё место среди людей и уже хотел насовсем остаться в обители, но всё же больше всего он хотел найти своих любимых

девочек. И он опять отправился в путь.

— Иди с богом, сын мой. Мысли и цели твои богоугодные, он поможет тебе, — сказал батюшка на прощание и несколько раз перекрестился.

7

Новый паспорт на новое имя, который благодаря своим связям удалось раздобыть батюшке, придавал Коле некоторое спокойствие, но всё же он побаивался сбиться с тропы, потерять дорогу к цели. Но он шёл.

Поиски в Омске, Екатеринбурге и Челябинске тоже не дали никаких результатов, и он в скором времени оказался в Москве. Столица требует много расходов и достаточно больших усердий, чтобы раздобыть средства на пропитание, а деньги у Коли заканчивались, надо было шевелить мозгами. И он устроился работать на стройку разнорабочим. Платили копейки, но обещали всю договорную сумму заплатить по окончании строительства. Только сбежали хозяева стройки, говорят, с большими деньгами за кордон, кинув и рабочих, и покупателей квартир. Органы возбудили уголовное дело, стали допрашивать всех рабочих, ну и слизнул Николай подальше от грешного места, чтобы не попасть на крючок следователей со своим поддельным паспортом. Снова надел свою на время спрятанную рясу, вышел на ближайшую дорогу и сел в первую попавшуюся маршрутку.

— Вы к нам едете, батюшка? — спросила старушка, рядом

с которой оказался Николай.

— Не знаю. Может, и к вам, — ответил уклончиво Николай.

— Я в Голицыно живу, — не унималась старушка.

— Нет, нет, не в Голицыно, я дальше.

— В Малые Вяземы, что ли? Но там же есть батюшка.

— Я еду заменить его. А он уже поедет к вам, — нашёлся сказать Николай в надежде, что бабушка отвяжется, и манёвр его сработал.

— Ой, слава богу. Наконец-то. А то полгода уже ждём, а всё обещают.

Водитель не потребовал денег у Николая за проезд, вместо этого он попросил помолиться за его пассажиров.

На окраине посёлка Захарово, что недалеко от Москвы, где Николай нашёл приют в старом заброшенном доме дачного кооператива, собралась в круг группа молодых ребят и шумно поддерживают дерущуюся в центре круга пару. Когда он подошёл к толпе, ведущий уже зазывал следующих участников боя, объявляя при этом неплохую премию победителю. «Это шанс», — подумал Николай, и сразу поднял руку.

— О, у нас уже и поп будет драться! Священник! Кто хочет с ним в бой, выходи! Делайте ставки, друзья, ставки! Бой обещает быть зрелищным!

Бой Николай выиграл нокаутом в первом же раунде и, получив обещанную сумму, собрался уходить. Его остановил

среднего возраста интеллигентный мужчина.

— Могу ли я вас спросить, молодой человек? — обратился он к Николаю.

— Да, пожалуйста, — ответил Николай, вытирая просочившуюся из носа кровь.

— Почему вы, служитель церкви, священник, пошли на это, в общем-то, незаконное, неприятное дело?

— Мне деньги нужны были. Очень нужны.

— А что, в церкви вам уже не платят?

— Я временно не работаю в церкви. У меня проблемы. Поэтому нужны деньги.

— Да, деньги теперь всем нужны. Без денег как-то грустно стало жить. Но я не спрашиваю вас, куда, зачем. Это ваше дело. А что вы скажете, если я предложу вам работу. Хорошо оплачиваемую работу.

— Я с удовольствием! Что за работа?

— Давайте мы сначала познакомимся. Меня Альбертом звать. А вас?

— Николай. Коля.

— Видите ли, Николай. Работа несколько необычная для мужчины, и моё предложение может показаться вам странным. У меня сестра прикована к постели вот уже целый год, и я не могу найти сиделку, которой была бы довольная сестра. Прогоняет она их, капризничает, плачет, кричит на всех... Невыносимо... Вот и решил попробовать приставить к ней мужчину. Увидел вас, выходящего из этой дачи. Это друга

моего дача. А сам живу чуть дальше. Тут проезжаю иногда, не каждый день. Когда на работу можно не ехать. У меня большой дом на окраине Москвы, но, знаете ли, там сестра живёт. Тяжело каждый день быть возле неё. Нет, она не обижена. Она под присмотром, не одна, а я вот иногда уезжаю от них. Тебе выделим комнату, питание бесплатное, и с оплатой не обижу, если согласишься. Попробуем, Коля? Что скажешь?

— Ну я как-то не представляю себе... Это же её надо будет и на горшок водить...

— Нет, нет. На горшок водить не надо. Есть там женщина для этого. А вам надо будет кормить её и разговаривать с ней. Вот и всё.

Вечером того же дня Альберт уже представлял сестре Николая. Но прежде они успели заехать кое-куда, купить кое-что для Коли, и даже постричься и побриться — вполне себе стал мужчина.

— Аля, дорогая, я нашёл тебе друга! — радостно крикнул прямо с порога Альберт. — Познакомься, пожалуйста. Это Николай. Коля. Он священник и очень добрый человек. Тебе с ним будет удобно и интересно.

Алевтина молчала. Она недоверчиво смотрела то на брата, то с подозрением жмурилась на Колю. Она была красива. Даже строгий взгляд и сжатые губы не могли затмить её красоту. «Избалованная фифа», — подумал Николай, но пока что сдерживал себя от желания развернуться и пойти прочь

из этого каменного с позолотой гроба, куда Альберт его привёз.

— Ты же хотела друга! Хотела? Хотела. Вот и будет тебе друг, — не унимался Альберт, желая вызвать у сестры если не восторг, то хотя бы удовлетворение.

— Здравствуйте! — робко, но уместно вырвалось у Николая.

— Массаж делать умеешь? — достаточно сурово спросила Аля вместо ответа.

— Да, конечно! Я боксёр. Мастер спорта. И нас учили массажировать. Я умею снимать боль, — затарахтел Николай в надежде не упустить едва зародившийся шанс.

— Садись, — сказала Аля и глазами показала на свою кровать.

Коля не был уверен, что понял её правильно, и посмотрел на Альберта.

— Садись, садись, — заторопился Альберт, обхватив Колю за плечи и показав ему, куда следует присесть.

— Покажи руки, — приказала Коле Аля, как только он присел. Преодолев неуверенность, Николай протянул ей руки.

— А кровь почему? — спросила Аля.

— Да это он когда тренировался, — поторопился ответить Альберт, не дав опомниться Николаю.

После длительного изучения новоявленного друга, Аля сказала, наконец:

— Пусть остаётся.

Через неделю Аля впервые улыбнулась. Ей нравилось, как Коля, стесняясь, осторожно, бережно растирал её суставы, поглаживал белую бархатную кожу. Иногда она позволяла себе крикнуть на него:

— Да смелее ты! Не бойся! Я всё равно ничего не чувствую!

— Синяки же будут, — оправдывался он.

— Ну и что! Мне же не бегать на свидание!

— А почему нет? Всё возможно.

— А стихи читать ты умеешь? — неожиданно спросила как-то Аля, находясь в приподнятом настроении.

— Нет, стихи читать я не умею. Да и учился не очень, но в аттестате все оценки отличные.

— Как это, не учился, а оценки отличные?

— Я спортсмен, боксом занимался, и оценки мне ставили просто так, за победы на ринге. Так что ни стихи читать, ни песни петь я не умею.

В такие минуты она смотрела на него пристальным, изучающим взглядом, на её красивом, но очень строгом лице лёгкая улыбка сообщала ему добрую весть о том, что он попадает на нужную волну в отношениях с ней, но Коля всё же осторожничал, чтобы не испугать надежду, не спугнуть удачу. А удача улыбалась ему нешуточная — Альберт обещал большие, сейчас очень большие для Коли деньги.

Через месяц ежедневного трёхразового массажа Аля вдруг резко крикнул:

— Ай! Щекотно мне!

Николай застыл. Не поверил своим ушам. То ли от радости, то ли от удивления он на некоторое время превратился в каменный памятник.

— Коля, мне щекотно, — вывела его из оцепенения Аля.

— Ну-ка давай ещё раз, — решил проверить Коля свои догадки и начал осторожно теревить пальцами пятку левой ноги Али. — Здесь щекотно? А здесь? А здесь?

— Ну щекотно, Коля! Не издевайся надо мной! — крикнула Аля и впервые за время их знакомства безудержно засмеялась.

— Аля! Аля! Алевтина! Ты хоть понимаешь, что случилось? — кричал Коля с восторгом!

— Нет. А что случилось? — вполне искренне спросила Аля.

— Да ты возвращаешься! Нога твоя возвращается! — опять крикнул Николай, и, схватив ноги Алевтины, начал истоиво целовать её от пятки до колена, и опять от колена до пятки — целовать, целовать.

В ответ Аля заплакала, нет, она зарыдала, закрыв глаза.

— Что ты плачешь, глупая! Радоваться надо, а не плакать! — попытался развеселить. Он вытер её слёзы и несколько

раз поцеловал мокрые глаза её.

— Я радуюсь. Плачу от радости, — сказала Аля, улыбаясь.

— Ещё немного, и ты встанешь на ноги, Аля! Ты понимаешь?

Аля пока не понимала, вернее не верила, что она встанет на ноги, она уже давно потеряла веру в чудесное возвращение в былую жизнь. И друг у неё появилась надежда, которой хотелось, ну очень хотелось верить. Потому и плакала от радости, от счастья.

Альберт, узнав о произошедшем, отвёл Коля в сторону, и сказал:

— Коля, если ты поставишь её на ноги, твой гонорар умножаем на два! Понял? Кто только её не смотрел, куда только не возил её, все разводили руками. Могут сделать операцию, но совершенно никаких гарантий, что это поможет.

Через три месяца Алевтина уже сидела на кровати и могла слегка двигать руками. Ещё через месяц Николай решил заставить Алю сделать первые шаги с помощью ролятора. Аля боялась, но очень хотела попробовать, и у неё получилось.

Однажды, после очередной успешной попытки прошагать без помощи ролятора, Аля нарочно упала в объятия Коли и сильно прижалась к нему. Коля замер в недоумении. Аля решила развить успешное наступление и резко поцеловала его

в губы. Коля, проснувшись и потеряв контроль над собой, схватил её за тонкую талию, уволок в кровать и стал бешено раздевать. Аля не сопротивлялась, более того, она в полном восторге помогала ему, как могла. Пара упала в омут любви, и таинство совершилось.

## 9

Был выходной день. Альберт и Коля сидели в зале и обсуждали перспективу дальнейших отношений Али с Колей. Альберт предлагал Коле остаться у них. Навсегда. Коля молчал. Он думал. Звонок. На экране домофона зашевелилась нервная голова посетителя. Альберт засуетился и крикнул горничной:

— Гульнара, открой, пожалуйста, калитку и проводи следователя в дом. Скажи, что меня нету. Я буду в кабинете.

Николай испуганно спросил:

— А что им надо? Чего хотят?

— Да, старые дела. Никак не отвяжутся. Но ты тут ни при чём.

— Я спрячусь. Документы могут спросить.

— Впрочем, да. Иди туда и закройся, — указал Альберт на гостевой дом.

Через полчаса тревожного ожидания Коля в щель между шторами заметил, как двое полицейских и следователь уводят Альберта в наручниках. Николая охватила паника — в его планы не входили посещения следователя ни в качестве

свидетеля, ни в качестве ответчика за свою не совсем законную жизнь в этом доме.

Он бегом проскочил двор и оказался в гостевом доме. Услышал, как Аля истерила и сквозь слёзы звала его. Он на минутку остановился, замешкался, подумал, зайти или нет, но страх толкнул его в свою комнату. Он бегом собрал свой скудный скарб и через мгновение оказался на улице. Он бежал, бежал долго. Устав, сел на скамью на ближайшей остановке автобуса. Задумался. Вспомнил, что в кармане нет ни гроша. Это плохо. Плохо, что нет денег, очень плохо. Плохо, что в такую минуту бросил уже изрядно прикипевшую к нему Алю, к которой и сам далеко не равнодушен. Всё это очень плохо, но что же делать, если он попадёт в лапы блюстителей закона: во-первых, он в бегах: за это его не то что не погладят по голове, а посадят на несколько совсем не нужных Коле лет; а во-вторых, документы-то его, хоть и качественно изготовлены, всё же поддельные — найдут, вычислят, добавят.

Да хрен с ними, с деньгами этими, свобода ему сейчас важнее. И он, утешив себя такими мыслями, отдышался и пошёл прочь, даже не зная, куда и зачем идёт. Так он оказался на шоссе в направлении Минска, где его подобрал старый дальнобойщик и довёз до столицы Беларуси.

На окраине Минска он встретил единственного бомжа, который приютил его в старом заброшенном доме и целый месяц содержал, кормил тем, что им сердобольные соседи

подавали. Оправившись от мании преследования, он всё же через месяц вышел на трассу дальше испытывать судьбу.

Как-то я, автор этих строк, житель белорусской земли, ехал из Минска к себе на дачу, приютившейся на тихой укромной поляне недалеко от Брестского шоссе. Вечерело. Оранжевый калач солнца уже целовался с линией горизонта. На окраине города стоит мужичок и смотрит на колонны машин, безучастно несущихся мимо него. Не голосует. Что-то меня дёрнуло — то ли природная любознательность командовала остановиться и спросить, то ли нос почуял дурной запах чужого горя, — но я остановился и обратился к мужичку по-восточному:

— Куда едем, брат?

Мужичок несколько растерялся, запнулся, затем пожал плечами и выронил виноватым голосом:

— Не знаю.

— Как это, не знаешь? Заблудился, что ли? — не стал я скрывать удивление.

— Мне бы где переночевать, — тем же голосом сказал мужичок и всё оглядывался по сторонам, как будто искал кого-то. Это подстегнуло моё любопытство. Я заглушил мотор, вышел из кабины и подошёл к нему. Худое морщинистое лицо; большая, тронутая сединой борода; не чёсанные лохматые волосы; двумя руками держит и постоянно мнёт небольшую торбу, даже не пытаясь скрыть отросшие и грязные ногти. Испуганно смотрит на меня.

— У тебя проблемы, брат? Жена, что ли, выгнала из дому?

— Да какая там жена! Нету у меня жены. Сбежала она. Ищу, — на последнем слове он еле выдавил воздух из лёгких и вытер прослезившие глаза.

— Сбежала? Твоя жена сбежала? И ты плачешь? Вот дурень! А чего тут плакать! Не плакать, а радоваться надо! Радуйся! Счастливчик ты, брат! Не каждому же так везёт в жизни, чтоб жена сбежала! — попытался поднять ему настроение иронией. — Одна сбежала, другая прибежит!

— Нет, другую не хочу. Я её хочу найти, — голос мужичка теперь уже неожиданно для меня прозвучал уверенно, отчего я даже растерялся.

— О как! Это уже интересно. И как давно она сбежала?

— Двадцать пять лет, как...

— Что? Двадцать пять лет? И ты двадцать пять лет ищешь сбежавшую жену? Я не ослышался?

— Не ослышался.

Теперь уже я стал оглядываться, искать в воздухе помощь, чтобы понять человеческую глупость или захватывающую в свою безудержную топь любовь.

— Брат, ты извини, но я скажу: или ты сумасшедший и прямо сейчас бредишь, или я ничего в этой жизни не понимаю.

— Там дочь мая. Иришка, — сказал мужичок тихим, но очень убедительным голосом. В моём мозгу сразу увеличилось серое вещество, в сознании произошла психологиче-

ская революция, по ногам пробежала дрожь. И я его понял. Сразу понял. Я, не имеющий дочь, мечтавший о ней всю жизнь, хранивший в сердце огромное количество нерастратченной любви к несуществующей дочери, понял его сразу.

— Ты, кажется, искал место, где можно распрямить своё уставшее тело, брат? Так вот, есть у меня к тебе предложение. Во-первых, давай познакомимся. Меня зовут Максим. Я живу на даче недалеко от Минска, и я приглашаю тебя в гости ко мне. Там у меня и баня, и гостевой домик. Поможешься, пострижешься, приведёшь себя в порядок. Я полагаю, что ты намного моложе, чем кажешься. Тебя как звать-то?

— Коля я. Николай.

— Очень приятно, Коля-Николай. Садись в машину, поехали.

— А вы сможете дать мне немного денег? — спросил Коля, продолжая жевать руками свою торбу.

— Коля, сам я человек не богатый, пенсионер, но наскребу, сколько смогу. Поехали.

Набрав приличную скорость на трассе, я изложил Николаю второй пункт моего уже профессионального интереса.

— Во-вторых, Николай, я писатель, и, не скрою, мне интересна твоя история. Возможно, я напишу о тебе, о твоей истории книгу. Расскажешь мне подробно всё?

Николай согласился. Даже обрадовался. И я невольно вспомнил слова Мцыри из поэмы Лермонтова:

«Ты слушать исповедь мою  
Сюда пришёл, благодарю.  
Всё лучше перед кем-нибудь  
Словами облегчить мне грудь;  
Но людям я не делал зла,  
И потому мои дела  
Немного пользы вам узнать,  
А душу можно ль рассказать?»

## 10

Николай жил у меня на даче неделю. Помылся в бане, постригся, побрился, и все эти дни я осторожно, доброжелательно терзал его вопросами, на которые он сначала отвечал неохотно — было видно, что тяжело ему вновь пережить всё, через что пришлось пройти, но потом искусством доброты и сопереживания мне удалось расположить его к себе, и мы почти стали друзьями.

На прощание я купил ему дешёвый кнопочный телефон, от которого он пришёл в полный восторг, научил им пользоваться, приделал его, выбрав из своего гардероба почти не ношеную одежду, обувь, и попросил звонить мне хотя бы раз в месяц, чтобы я был в курсе его дел.

Я не знал, куда он дальше поехал, но посоветовал не ехать в сторону Бреста — вряд ли его Катерина вообще поехала в Беларусь. Она русская женщина, и, скорее всего, в русских

городах стоять её искать, посоветовал я. На этом мы распрощались.

Разумеется, я не могу здесь изложить всё то, что он рассказал мне, — это бы было слишком неправдоподобно и слишком шокирующе, об этом Николай и сам попросил. Да и мне не хочется описывать тут человеческую жестокость, зверство, варварство. Знаю, что абсолютное большинство людей всё же имеет чувствительное сердце и доброту в нём.

С момента нашего с Николаем расставания не прошло и двух недель, как раздался звонок. Только теперь звонил не сам Коля, а некий Артём Чернов, блогер из Питера, с которым я не был знаком и о котором я даже не слышал. Представившись, Артём в двух словах рассказал мне, что звонит по просьбе Николая, что он нашёл своих любимых девочек, но возникла проблема с их сближением, и что Николай просит меня приехать, если возможно. У них возникла надежда на то, что, учитывая мой возраст и умение находить нужные слова в нужный момент, мне удастся убедить женщин в правдивости рассказа Николая. В тот же вечер, собрав свою дорожную сумку, я отправился в путь.

Артём встретил меня на вокзале и привёз на съёмную квартиру, где временно проживал Николай. Тут они рассказали мне историю их знакомства. Я задался вопросом, как Николай очутился в Питере. И вот что он мне поведал.

Оказалось, послушав моего совета, Николай на попутках

вернулся в Минск и решил направиться в сторону культурной столицы России.

Вручённые мною деньги решил он сэкономить и сел в электричку зайцем — авось пронесёт. Была суббота. Народ валил на дачи. Вагоны битком. В тесноте и духоте рядом с Николаем очутилась пожилая женщина. Николай тут же вскочил и, несмотря на её отнекивания, усадил её на своё место. Электропоезд снова застучал колёсами и помчался в сторону Витебска. Брюхо вагона начало избавляться от пассажиров, когда с двух сторон появились контролёры, и Николай, испугавшись, сел на только что освободившееся сиденье и прижался к спинке. Поправив седые волосы, пожилая женщина спросила:

— Вы, наверное, без билета? — и, не дождавшись ответа от растерянного соседа, продолжила: — Не волнуйтесь, у меня как раз два билета. Покупала для невестки, договаривались, что вместе поедem на дачу, но она в последнюю минуту отказала. У ребёнка температура, якобы. Жара на улице, духота, а она, видите ли, простудилась. Любую причину найдёт, чтобы слизнуть. Даже малину для себя, для детей собрать ленится. А как привезу, на готовое всегда рада. Совсем молодёжь обленилась.

Тем временем строгие служители белорусской «чугунки» быстро продырявили билеты и ушли терзать пассажиров в следующий вагон, и Николай переключил своё внимание на тонкий голос интеллигентной женщины.

— А ты, сынок, почему без билета оказался? Денег нет? Случилось что?

Николай, не вдаваясь в подробности, коротко рассказал, что ищет уже давно потерявшуюся семью — дочь и жену. Женщина так сильно растрогалась, что не могла успокоиться долго, вытирая слёзы. Потом достала лист бумаги, ручку, написала что-то и протянула Николаю.

— Дочь моя живёт в Ленинграде, — назвала она город старым названием по привычке, — работает в полиции. Позвони ей, как приедешь. Она поможет. Если только твои девочки в Ленинграде или области, она их обязательно найдёт. Позвони. Она уже будет в курсе. Я позвоню ей.

Вот так благодаря счастливому стечению обстоятельств Николай и нашёл своих любимых девочек. Но явиться к ним, показаться в таком виде он не мог, приходил к магазину, подолгу стоял и смотрел на свою дочь через витрину, беспомощно садился на скамью и плакал. Тут его и заметил Артём Чернов. Вернёмся, однако, к ним, к их первой встрече и знакомству.

Свой долгий и тяжёлый рассказ Артёму в тот день старик завершил словами, в которых он выразил безысходность ситуации:

— Ну вот, теперь я нашёл её, она здесь, рядом — красивая, богатая и счастливая, а я вот такой — старый, бедный, больной. И что я ей скажу? «Привет, Ирочка! Я твой папа!»?

Что всю жизнь любил её? И теперь люблю? Что искал везде и всегда? И что она ответит мне?.. Страшно. Что она скажет, если вдруг перед ней появляется отец, которого у неё не было никогда? Что говорила её мать про меня все эти годы? Может, я умер давно в её душе, в её сердце.

— А мать её? Думаете, она забыла вас?

— Не думаю. Не забыла. Не могла забыть. Такое невозможно забыть. Первая любовь, первые свидания, горячие поцелуи, сумасшедшие ночи. Нет, такое нельзя забыть. Мы были очень счастливы.

— Так, может, сначала с ней встретиться?

— Я боюсь. Да и стыдно мне. Столько лет прошло. Она же не может знать, что я миллион раз наказал себя за ту минутную слабость молодости, что я не был тогда готов взять на себя роль отца, да и испугался её матери, что корил и терзал себя потом покаянием. И всю жизнь искал её. И бог наказал меня за мою трусость. Я потерял родителей, брата, семью. Даже не знаю, жив ли кто из них.

— А может, Катерина сама вас ищет? Вы не думали об этом?

— Думал. Но я не знаю, как она может меня найти. У меня нет ни паспорта, ни жилья, да и имя своё я потерял давно. Бомж я. Бродяга. Тяжело мне. Больно, очень больно. И не знаю, что делать.

— А что бы вы сказали ей, если бы встретились? — у Артёма уже созрел план, как Николая свести с дочерью.

— Не знаю. Я бы не стал просить у неё прощения, такое вряд ли можно простить. Я бы просил дать мне возможность искупить свою вину перед ней и перед дочерью. Вот что бы я просил. А ещё я очень хотел бы услышать, чтобы дочь... чтобы она назвала меня папой. Я бы стал просить её об этом. Мне это очень важно. Очень. Я хочу, чтобы они узнали правду.

— Отец, я всё понял. Давайте для начала мы познакомимся с Вами. Меня зовут Артём. Артём Чернов. А вас как зовут?

— Николаем звали меня когда-то. Теперь я уже Иваныч, наверное.

— Очень приятно, Николай Иваныч. Я блогер. И я знаю, как и чем вам помочь. Для этого есть у меня возможности, а теперь и желание. Хотите?

— Даже не знаю, как это возможно.

— Всё возможно. Сейчас поедете со мной, и мы начнём. Только я заскочу в магазин, куплю, за чем приехал, и сразу поедем. И всё будет хорошо. Только верьте мне. Я вас не обманываю. И не обману.

— Да как-то трудно верится. Потерял я уже веру в людей.

— Сидите здесь, никуда не уходите. Я в магазин и обратно мигом. Заодно и посмотрю на неё. Как зовут её?

— Прозвали Ириной по рождению, теперь не знаю, может, поменяли.

— Я понял. Сидите. Вон там стоит моя машина, потом

поедем.

Быстрым шагом Артём проник в сказочный мир золота и блестящих дорогих безделушек, нашёл Ирину, представился и после нескольких формальных вопросов спросил о том, о чём и сам не ожидал:

— Ирина, я прошу прощения, но я хочу задать несколько неожиданный вопрос. У вас есть отец? И какие у вас с ним отношения. Я это не просто спрашиваю. Не из любопытства. Если вы ответите мне ещё на пару вопросов, вы не пожалеете. Позже я вас обрадую. Возможно, даже очень сильно.

Ирина просканировала Артёма, огляделась вокруг и, убедившись, что за дорогими баламбешками очереди нет, начала с серьёзным видом:

— Был у меня отец. Он принял меня, маленькую крошечку, как собственную дочь, и вырастил. Он заботился обо мне, как о собственной дочери, я никогда не испытывала чувства, что я не родная, что не кровная. Я по гроб благодарна ему. Он носил меня на руках с первых дней моего рождения, усаживал на плечи верхом, укладывал меня спать, поцеловав в лобик, он кормил меня с ложечки, учил ходить, кататься на велосипеде, носил меня в детский садик, провожал и встречал из школы, делал со мной уроки; он читал мне сказки на ночь, научил читать и считать. Он научил меня всему, что пригодилось в жизни. Он создал бизнес и научил меня вести дела. Я была счастливым ребёнком, с любимыми и любящими меня родителями, пока он был жив. Я не могла даже

представить себе, что его не станет, что мне придётся жить без него. Он погиб.

— Это был ваш родной, кровный отец?

— Нет, не родной, но я не знала, что он не биологический мой отец, узнала только после его смерти. Я его очень любила. После смерти, узнав правду, люблю его ещё больше. Мне его очень не хватает.

— Я понял вас, Ирина, понял. И задам вам главный мой вопрос. И что бы вы сказали, если бы сегодня вдруг появился ваш родной отец? Ваш кровный отец?

— Не знаю. Я не думала об этом. Трудно себе представляю, как бы мог вдруг появиться мой родной отец. Я очень любила своего отца. И теперь даже не знаю, нужен ли мне другой, пусть даже по крови, отец, есть ли в моём сердце место для другого человека, для другого отца, который когда-то предал меня, предал маму. Вряд ли кто сможет занять место моего покойного папы.

— И всё же, если он ваш кровный отец, вы не можете не любить его.

— Сердечные, духовные узы порой бывают крепче, чем кровные.

— Возможно. Мне трудно это понять. У меня есть отец, мать, дружная и любимая семья. В общем, Ирина, я знаю вашего кровного отца. И могу вас познакомить с ним. Хотите?

— Нет, я не готова к такому повороту судьбы. Во мне ещё не остыло тепло любви к своему отцу.

— Понимаю. Понимаю. А давайте, может, сделаем так. Я немного расскажу о Николае из того, что я узнал, а вы потом подумаете. Но сразу предупреждаю, что меня потрясло то, что я от него услышал. Это невероятно, через что он прошёл в поисках, в надежде найти вас с матерью. На такое не способен нормальный человек, он у тебя необыкновенный.

— Возможно. Но и сочинить историю тоже можно. Почему я должна верить истории первого встречного? Мама ведь не просто рассталась с ним. Видимо, была причина. И почему я должна теперь поверить ему? Принять его?

— Ирина, а вы поговорите с матерью, может, она раскроет тайну их расставания с вашим отцом, может, нет его вины в том, что так случилось. И почему он не стал частью твоей жизни. Это стоит сделать хотя бы потому, что он дал тебе жизнь и двадцать пять лет искал тебя, лишив себя всего, пожертвовав своей жизнью в поисках тебя. Мне он рассказал, почему они расстались, и я ему поверил. Не столь велика его вина в том, что случилось.

— Нет уж, избавьте меня от такой нагрузки. Я ещё не пришла в себя после похорон.

— Хорошо. Я понял. А сам могу я поговорить с вашей мамой? Она-то знает вашего отца, может, она поверит?

— Возможно. Ей сейчас очень тяжело. Может, и утешите её своим рассказом. Попробуйте.

Выйдя из магазина в бодром настроении, Артём посадил Николая Ивановича в свою машину и повёз в барбершоп,

потом магазин мужской одежды. На пороге шикарно обставленной трёхкомнатной квартиры Николай застыл от удивления и не понимал, что происходит.

— Иваныч, проходи, не стесняйся, — привёл его в чувство Артём. — Ты теперь будешь жить тут. Во всяком случае, до того момента, пока я не познакомлю тебя с дочерью. Прходи. Располагайся. В холодильнике еда, напитки. Поужинай. А я поехал к Катерине. Ирина дала адрес. Цветы какие любит Катерина?

— Не знаю. Я не успел ей подарить цветы, — Николай еле нашёл в себе силы ответить на неожиданный вопрос.

Через час Артём уже вручил Катерине огромный букет алых роз — розы любят все женщины!

## 11

Артём кратко рассказал Катерине о том, через что пришлось пройти Николаю в поисках своей любимой и дочери. Катерина слушала Артёма затаив дыхание и ни разу не перебила. К концу рассказа из её голубых глаз потекли слёзы.

— Не верю, — были её слова после длительной паузы.

— Это ваше право, Катерина, но, если вы всё-таки захотите увидеть его, надумаете встретиться с ним, вот мой телефон, — Артём оставил визитку и уехал, пожелав спокойной ночи.

Неделю времени Артём посвятил Николаю. Он возил его по городу, показывал достопримечательности, рассказывал о

своём родном городе, кормил нового друга в дорогих ресторанах и готовил к встрече с его девочками. Попутно он записывал рассказы Николая и вставлял контент на ютуб-канал, отчего количество подписчиков резко возросло — все ждали, чем же закончится его затея и история Николая. А закончилась история вот как.

Я был изумлён и восхищён настоящим подвигом и благородством совсем ещё молодого человека, ютубера Артёма, но и он, и сам я преследовали в этой истории, кроме благородства, и корыстные цели: он собирал подписчиков, а я хотел написать об этом необычном человеке, о его истории, но в то же время мы оба — и Артём, и я — искренне хотели ему помочь.

После некоторого обсуждения сложившейся ситуации в квартире Артёма к Катерине отправился я один — такое решение мы сочли разумным, учитывая мой почтенный возраст и профессию писателя: мне легче будет, решили мы, найти нужные слова при разговоре на такую сложную тему — восстановления мира и любви во влюблённых когда-то сердцах.

Ушёл я от Катерины за полночь, почти весь день, с небольшими перерывами на обед и ужин, внимательно слушая потрясающую историю её жизни. И вот что она мне рассказала.

Катерина тогда, двадцать пять лет назад, в самом деле приехала в Хабаровск к своей тёте по линии отца. Та встре-

тила племянницу тепло и даже обещала поговорить с золовкой, чтобы та оставила в покое влюблённое молодое сердце, чтобы не погубила зарождающуюся жизнь и, возможно, судьбу и здоровье своего дитяти. Золовка была неумолима и отреагировала на слова защитницы весьма агрессивно.

Зная властный, непримиримый к чужому мнению характер матери, другого Катя и не ожидала, поэтому не сильно расстроилась. План эвакуации у неё не изменился: чтобы совсем запутать следы, она вопреки здравому смыслу махнёт на Север, в Якутию. Вряд ли мать подумает, что дочь так безрассудна, что с уже растущим пузом без опыта жизни, без простых хозяйственных навыков отправится на Крайний Север — в дикие, холодные места.

В самолёте Катю затошнило. Сидевший рядом не совсем молодой человек вызвал стюардессу и помог ей довести Катю до туалета, затем участливо поил её водой, кормил таблетками, пока она не успокоилась.

— Ну и напугали вы меня, красавица! Это что же такое с вами было?

— Да ничего страшного. Обычная тошнота. Беременная я.

— Беременная? — растерянно переспросил сосед. — Как же так? Вы же совсем ещё ребёнок!

— Не совсем ребёнок, раз уже беременна. Скоро шестнадцать.

— Ну, не знаю. Как-то рановато. А ему сколько? Жениху?

— Восемнадцать скоро.

— Да как-то необычно. Мне такое в голову не могло прийти.

— А вы женаты? — неожиданно даже для себя спросила Катя.

— Нет. Был женат. Развёлся год назад. В двадцать пять женился, в тридцать развёлся.

— Вам всего тридцать? Я думала, лет сорок. Старше выглядите.

— Это борода виновата. Да и стричься было некогда и негде.

— А развелись почему?

— Видите ли, друг мой юный, я по командировкам часто мотаюсь. Полжизни в тайге провожу. Я геолог. Хирург природы, как нас называют. Жена требовала, чтобы я приклеился к её юбке, а я не мог позволить себе такую роскошь — отказать от любимой работы. Да и что мне в городе делать? Природа, тайга, Заполярье — моё призвание. Вечера у костра, песни под гитару — романтика!

— Я представляю. А почему она не поехала с вами? Это же интересно.

— Ну что вы! Она и слышать не хотела об этом. Бросить любимый город, родителей, подруг и куда-то поехать — для неё смерти подобно.

— Я бы поехала. И песни под гитару люблю, и природу.

— А ваш жених... Он поёт?

— Нет, он не поёт. Он дерётся.

— В смысле? Как дерётся?

— Он боксёр. Мастер спорта по боксу.

— Ааа! Ну, я тогда его боюсь. А то побьёт меня, что пристаю к вам. Я не люблю драться, не обучен. Предпочитаю мирное решение вопросов. Я добрый. Даже слишком добрый, говорила мне бывшая.

— Коля тоже добрый. Он только на ринге дерётся.

— Вы к нему летите? Встречать будет вас?

— Нет, не будет. Я убежала от него.

— В смысле, убежала?

— В прямом смысле. Он даже не знает, куда я уехала. И сама не знаю, куда я лечу и что со мной будет. Там меня никто не ждёт. От всех убежала, чтобы спрятаться, чтобы никто меня не нашёл, — у Кати вдруг резко поменялось настроение, и она стала плакать.

— А вот плакать не надо, мой друг! Всё образуется. Всё наладится. Обида пройдёт, настанет мир. Он приедет за тобой, обнимет, приголубит, и ты всё ему простишь и забудешь.

— Куда он приедет, если не знает?

— Так ты позвонишь ему, я думаю.

— Я не буду звонить ему. Он предал меня.

— Ну, давай, я позвоню?

— Не надо. Не хочу. Вы лучше найдите мне жильё, если хотите мне помочь. И работу, если можете. Мне жить надо

будет на что-то.

— Жильё-то я найду, а вот с работой будут проблемы. В шестнадцать неполных лет. И в таком положении.

— А вы возьмите меня с собой в тайгу. Я сильная, я выдержу.

— О, нет! Извольте! Это исключено. Но могу предложить вам другой вариант. Поселяйтесь у меня. Через неделю я опять уезжаю в командировку. Живите, если вам не будут скучно одной. На первое время оставлю вам денег, а там посмотрим. Кстати, меня Тихомир зовут. А вас?

— Катя.

— Очень приятно, Катя. Так что насчёт пожить у меня?

— А вы меня не обидите?

— Ну что вы, Катя! Как можно?

Так, Катя поселилась у Тихомира и прожила у него несколько месяцев. Сам Тихомир приезжал домой раз в месяц на несколько дней, затем обратно уезжал на целый месяц. Когда же Кате на сносях стало трудно ходить, готовить, он вовсе остался дома, взяв отпуск. Ходил в магазин, готовил есть, стирал — делал всё, только чтобы Катя не нуждалась ни в чём. В скором времени у Кати пришёл срок родов. Он взял её с собой в магазин и купил всё, что нужно для будущего ребёнка. А вечером то же дня осторожно, чтобы не спугнуть раненное сердце Кати, он предложил:

— Катя, скоро тебе рожать, но безотцовщина как-то не приветствуется у нас... Не знаю, может, записать ребёнка на

моё имя? Что скажешь?

— А ты не хочешь на мне жениться? — спросила Катя сразу, будто давно ждала предложения от Тихомира.

Тихомир даже растерялся от такого прямого вопроса, затем, после пристального взгляда на Катю, спросил:

— А ты бы согласилась, если бы я?..

— А почему — нет? Ты добрый, ты красивый и умный...

— Но я старше тебя namного.

— Ну и что? Я хочу быть твоей женой. Сделай мне предложение.

— Катя... Катя... Я даже не думал... Я боялся, что откажешь. Я хочу! Очень хочу, чтобы ты была моей женой. Выходи за меня! — Тихомир подошёл к Кате, обнял её, осторожно поцеловал, продолжая выражать свою радость. — Катя... Катя...

Через месяц они расписались, и появившуюся на свет малютку записали на фамилию её приёмного отца Борисова. Вот так Ирина стала Ирина Тихомировна Борисова. А Катерина оставила себе прежнюю фамилию, что в конце концов и помогло Николаю найти её.

Ирине не было и двух лет, когда отец Тихомира, профессор Ленинградского института советской торговли им. Ф. Энгельса, заболел и скоропостижно скончался. Тихомиру пришлось закончить своё путешествие по тайге и переехать к матери в Ленинград. В большой квартире на Невском проспекте недалеко от Адмиралтейства и прошли детство и мо-

лодость Ирины. В окружении любящих и любимых матери и бабушки — матери Тихомира, женщины высокообразованной, мудрой и тактичной. Ирина и её младшая сестра, которая родилась уже в Ленинграде, выросли и воспитались в лучших традициях советской семьи.

В мутные годы бурного развития частной собственности Тихомир создал свою сеть ювелирных магазинов, обучил бизнесу дочерей своих и был в числе успешных миллионеров, но трагическая смерть оборвала его жизнь. Поговаривали, будто был несговорчив с капитанами теневого бизнеса, за что и убрали его с дороги. Кто знает, может, и правда, а может, и выдумки, как обычно бывает всегда в таких случаях...

Когда Николай оказался возле подъезда Катерины, всевидящие и всезнающие бабушки-разведчицы, сидевшие на лавочке у подъезда Катерины, рассказали ему, что она только недавно похоронила мужа и сидит дома безвылазно уже несколько дней в горе-печали, а дочь её, Ирина, работает по такому-то адресу. Побоялся Николай в такое тяжёлое для Кати время постучаться в её двери и встать перед дочерью тоже не осмеливался. Он каждый вечер приходил к магазину, смотрел на Ирину через стёкла витрин, а потом сидел на скамье перед магазином, где его и подобрал Артём Чернов. Так сложилась у меня вся картина сюжета данной истории.

Я тщательно подбирал слова в разговоре с Катериной, пы-

тался угадать её настроение, ход мыслей, и мы расстались с ней за полночь. Я не был уверен, что удалось мне убедить её в правде моих слов, в правде истории Николая, пересказанной мною.

— Не знаю. Не верю, — были её слова, когда я закончил историю.

— А вы расскажите всё это дочери, может, она поверит, — закончил я мучать Катерину, с тем и откланялся. На следующий день я уехал, оставив парней ждать.

Через неделю Артём позвонил мне и рассказал коротко, чем завершилась это необычная, длиною в четверть века, история. Позвонила, значит, Катерина Артёму только на третий день после моего визита к ней и сказала, что она рассказала дочери их с Николаем историю любви, что пересказала ей историю и самого Николая, услышанную от меня, и просит, чтобы они с Николаем поехали к Ирине. Если она, Ирина, примет своего отца, тогда и она сама будет к нему благосклонна.

На следующий день Артём с Николаем поехали к Ирине, Артём был уверен, что сердце дочери дрогнет и лёд растает. Но даже он не ожидал такого поворота в судьбе своего несчастного подопечного.

Как только они появились на пороге магазина, Ирина сразу побежала к ним навстречу, вытирая слёзы, крепко обняла Николая и проговорила:

— Где же ты был до сих пор, папа?

## **Бедный Борис Бешеный**

### *Рассказ*

Ничто не предвещало беды: была суббота, сияло солнце, погода ласково шептала лёгким осенним ветром прощальную симфонию вечности. Мы с женой немного пособирали опавшие жёлтые листья и, уютно усевшись на скамью, смотрели на алое зарево заката. Дачный сезон угасал. Голые ветви кустов, деревьев; мёртвые стебли цветов курились розовым дымом. Вдруг подул ветер, подняв в воздух скелеты жухлых трав, небо затянулось чёрными густыми облаками, набатно зачирикали птицы. Мы спешно покинули природу и спрятались в уютном домике возле слегка натопленного камина.

Ветер усиливался, в порывах стараясь сорвать крышу в моём доме. В тревожном ожидании я долго стоял у окна, смотрел на необузданную стихию природы и думал о том, как незащищен человек перед её капризами.

Но вот успокоилась мокрая, холодная буря. Заработала спутниковая антенна, и мы стали смотреть последние новости. Но пришла новость оттуда, откуда мы её не ждали. У жены зазвонил мобильник.

— Привет, Лора!.. Что случилось?.. Да ты что! О-о-о! Ничего себе!.. А мебель?.. А посуда?.. И электричество?.. Да ты

что!.. Ну что ты, Лора, конечно, скажу. Хорошо... Хорошо... Сейчас скажу. Я перезвоню.

Она глубоко вздохнула и хотела известить о том, что же там у наших друзей такое случилось и чему она так удивлялась, но при имени Лора я уже понял, что Боря Бешеный, муж Лоры и по совместительству мой однокурсник, влип опять, чему я, в принципе, совсем не удивился, потому как за то время, которое я знаю Борю Бешеного, мы, его однокурсники, уже привыкли к его «попадаловам». Но при первых словах жены я не на шутку испугался.

— Лора Боровикова звонила. У них крышу снесло.

— Что? У обоих? И что, в дурку попали? — озабоченно спросил я.

Согласитесь, крышу снести можно и с сарая, а можно и с плеч, посему и ничего удивительного в том, что я испугался.

— Да нет! Крышу на даче у них снесло вчера. Ветром. Бедный Борис!

Своё известие касательно Бешеного то с жалостью, то с досадой в голосе она всегда заканчивала так: «Бедный Борис!» Сколько раз ей приходилось это повторять, она уже и сама, наверное, не помнит. Я рассмеялся. По-другому было невозможно никак. Зная Борю и его постоянные приключения, невозможно не смеяться даже тогда, когда вроде и неприлично, потому как у людей горе, у людей крышу на даче снесло в прямом смысле слова, а не так, как мне сразу показалось, но и удержаться от смеха нет сил, когда знаешь,

кто такой Боря Бешеный. Ах ты Борик, ах ты мой дорогой, что же это тебя так преследует рок? Почему ты, почти прожив уже жизнь, так и не научился жить спокойно, как живут миллионы людей вокруг, жить праведной жизнью? Впрочем, может, и не надо жить спокойно?

И кто сказал, что это и есть единственно праведная жизнь? Жена уже давно спит, а я думаю. А я лежу, думаю и вспоминаю...

С Борисом Боровиковым мы, его однокашники, познакомились на первом курсе института только спустя месяц с начала учебного года, когда после выписки из больницы на первую же лекцию он явился с законсервированной в медицинском бандаже правой рукой и широко распахнутой улыбкой до ушей. Но легенда о его подвигах насквозь просверлила наши мозги ещё задолго до его появления на наших глазах как физического объекта. Невысокого роста, ширина могучих плеч почти равна его росту, на плечах очень короткая и основательно поставленная шея, плавно переходящая в круглую, как футбольный мяч, крупную голову, на которой уже давно стёрлись следы волос, что когда-то, судя по затылку, густо и весело росли на такой большой поляне.

Боря наш, как вы уже догадались, носит фамилию Боровиков, а кликуха Бешеный к нему прицепилась ещё со школьной скамьи за его действительно неудержимо бешеный темперамент и исключительную преданность справедливости, по вине которой Боря вечно попадал в немилость к школь-

ному начальству даже тогда, когда на нём не было ни капли вины, а он просто защищал правду.

В то, что в школе он мог с кем-то провести лабораторные занятия на тему «Что такое есть кровавая бойня» с горячей красной струёй из носа, мы поверили сразу, как только увидели его левый, свободный от бинтов, бандажа и весь в шрамах кулак, а на его плечах и руках, торчащих из тельняшки-безрукавки, гордо и демонстративно рисовались килограммы выпуклых масс, сурово напоминающих о крепко натренированных мышцах. Но мы никак не могли представить его в роли школьного хулигана, террориста в масштабе одной отдельно взятой школы хотя бы по той причине, что Боря никак не был похож ни на хулигана, ни тем более на террориста: с его лица не сходила улыбка, даже когда он спал или просто сидел и терпел жестокое поражение в борьбе со сном на нудной и почти никому не понятной лекции по политэкономии.

При первом же знакомстве — это же понятно! — мы устроили ему вступительный экзамен в нашу уже успешную подружиться ассоциацию одноклассников. Всех изнутри грыз червь любопытства: в каких же таких битвах и ради чего он пожертвовал здоровьем и целостностью своей правой руки, без которой гонка на выживание в борьбе за звание студента политехнического института после первой же сессии становилась весьма даже туманным понятием — как конспект писать, как чертить?

Оказалось, после успешной сдачи вступительных экзаменов Боря решил отметить с друзьями это знаменательное событие, так как после трёх лет срочной службы матросом он даже и не рассчитывал с первого раза пришвартоваться в бухте высшего учебного заведения, и по этой причине в нём родилась феерическая радость, вследствие чего у бывшего матроса сломался тормозной кран и он, сев на двухколёсного мотоубийцу друга, покатил по ночному городу, врезался в какой-то бетонный столб, сломал ключицу, два ребра и правую руку в трёх местах.

Рассказывал обо всём этом Боря Бешеный со смехом и так, как будто всё это случилось с его заклятым врагом, а не с ним, отчего и мы покатывались со смеху безудержно. Мы не могли не смеяться, слушая его историю: он рассказывал весело, сочно, с юмором, обстоятельно подчёркивая мельчайшие детали, а мы словно на вечере юмора сидели.

Марать бумагу конспектами он, естественно, не мог и поэтому старался слушать лекции со всем напряжением своего мозгового вещества, и за этим тяжким трудом он почти всегда засыпал на лекциях, подложив под голову согнутую левую руку.

В этом месте, на удивительной способности Борики Бешеного спать, я должен остановиться особенно подробно. Это даст читателю более полное представление о нашем уникальном таки однокурснике.

Итак, ночь. Перед тем как лечь спать, Боря перевора-

чивал вверх дном оцинкованный таз для стирки, который я купил накануне, заводил на максимальную громкость старый механический будильник времён Первой мировой войны и клал его на дно таза, где уже лежали какие-то ключи, ножницы, монеты, — всё это для того, чтобы не проспать первую пару в родной альма-матер. В половине седьмого утра от оглушительного тарахтенья, напоминавшего близкое движение танковой колонны, просыпалось всё общежитие, соседи же по комнате закрывали уши подушками, дабы избежать неотвратимой травмы ушных перепонок; сам же Боря Бешеный продолжал при этом храпеть с таким усердием, что мог бы заглушить рёв моторов целого танкового батальона.

Минут через десять-пятнадцать, очухавшись от контузии, мы, его соседи по комнате, вырубали этот ядрёный будильник и начинали тормошить виновника тревоги, а иногда нам даже удавалось придать отнюдь не проснувшемуся, ещё крепко спавшему матросу запаса сидячее положение, что, в принципе, не имело никакого значения для самого Бори, потому что ему было всё равно, как спать: сидя или лёжа.

После двух или трёх дней тяжёлой травмы по причине воздушных тревог над ухом мы разбили о стенку тяжёлый механический будильник времён Первой мировой войны, обматерили вчерашнего матроса простым деревенским сленгом и подписали промежуточный контракт, по которому мы приняли на себя обязательство пинать нашего друга ногами каждое утро и обливать его холодной водой до тех пор,

пока он не вернётся из волшебной страны снов в наш грешный, но реальный мир лекций в восьмом учебном корпусе института. И мы с большим удовольствием и величайшим усердием принялись выполнять пункты нашего договора, не скрывая при этом удовлетворения, получаемого от возможности отомстить за почти состоявшиеся сердечные приступы из-за утренних тревог.

Со временем бунт на корабле начал приносить свои плоды и наш друг — и по совместительству однокурсник — стал входить в колею институтского графика. Но тут неожиданно грянул гром: Боря опять лёг в больницу. Оказалось, что кость правой руки срослась не по правилам, аморально, почему и пришлось коновалам снова сломать её и опять законопатить в более надёжный гипс. Спустя всего лишь неделю Боря Бешеный предстал перед нами в свежей гипсовой обшивке и со смехом рассказывал о том, как несколько врачей ломали его руку через колено и никак не могли сломать, и только когда появился здоровенный бугай, по росту и весу напоминающий знаменитого штангиста Василия Алексеева, удалось решить вопрос, но оказалось, однако, что было рано радоваться: рентген показал, что сломали руку не по старым разломам, а совершенно в другом месте, попутно образовав при этом ещё два небольших осколка, следствием чего стала необходимость срочной операции.

Наркоз, скальпель, зубило, молоток... Перекроили, собрали по кусочкам, зафиксировали, зашили, замуровали в

гипс.

У нас, молодых, которые и к врачам-то ходили только раз в жизни за справкой перед поступлением в альма-матер, волосы на голове стали похожи на сибирскую тайгу, встав дыбом, а он как ни в чём не бывало описывает красочно, захватываяще жуткую картину раздробления своей руки со смехом, шутя, как будто рассказывает какой-нибудь весёлый анекдот. Рассказывать же он умел анекдоты просто блестяще. Любой анекдот из его уст никого не оставлял равнодушным и сразу становился классикой.

Тут надо отметить ещё одну черту его характера. Вы когда-нибудь видели, как стреляет корабельный многоствольный револьверный пулемёт? Тем, кто не видел, попробую объяснить коротко: это жуткий шквал огня! Десять тысяч выстрелов в минуту!

Вот примерно так разговаривал Боря Бешеный, при этом с такой же дикой быстротой размахивая левой, свободной от медицинского вмешательства рукой. Если внимательнейшим образом не слушать его, то можно было отстать от его мыслей, потерять логику и перестать понимать вообще. Но... Но что нас больше всего удивляло и забавляло в нашем друге и однокашнике, так это то, как ему так красиво, так неожиданно и незаметно удавалось заснуть буквально за считанные секунды: только что человек рубил анекдоты, сам разрываясь от смеха и других доводя до гомерического хохота, а уже через миг спит, сидя за столом, да так, что не

разбудишь даже выстрелом из пушки буквально возле уха. Как это возможно? Понять мы не могли.

Боря опять после больницы с трудом и не без нашей помощи стал вспоминать, что он вообще-то студент первого курса политехнического института и что тут, как ни крути, есть такие науки, как «начерталка» и черчение, для которых необходимы две руки, чтобы управлять кульманом; и каково же было наше удивление, когда он как ни в чём не бывало одной только рукой умудрялся что-то и чертить, и рисовать, правда, фиксируя при этом кульман то бородой, то гипсовым произведением медицинского искусства на правой руке.

Между тем приближалась зимняя сессия, которая, если кто помнит, обычно совпадала с зимними холодами, со снегом, льдом не только на тротуарах, но и на бетонной площадке перед входной дверью в общагу. Я подозреваю, что при словах «снег» и «лёд», вы, читатель, уже смутно стали догадываться, к чему я веду, и вы будете совершенно правы, если предположите, что влип опять наш Боря Бешеный в грустную историю ну прямо перед самой зимней сессией! И влип конкретно! Выходил из общежития, как всегда, на бешеной скорости и поскользнулся так, что ноги его на какое-то мгновение оказались выше головы, а тело по горизонтальной проекции совершенно неуправляемо и неприятно больно приземлилось на острые рёбра бетонных ступеней, при этом резко потянув за собой ноги вниз и расколов ими большой кусок льда на асфальте, который ночной мороз как будто спе-

циально приготовил для нашего Борика.

В результате друг наш, как потом показал рентген, получил дополнительный стимул любить жизнь в виде сломанной левой лодыжки, вывиха позвонка и сильнейшего сотрясения оставшейся целой после первого полёта на забор части мозгового вещества внутри его круглого и крепкого черепа.

Первую психологическую помощь оказал ему не спеша идущий за ним Игорь Мороз, староста наш и полная противоположность Борику Бешеному, редко употребляемым в нашей гильдии почти стихотворным выражением: «Твою ж мать!» А профессиональную помощь оказала уже скорая, наконец-то приехавшая часа через полтора. А вот что случилось дальше, вы, дорогой мой читатель, бьюсь об заклад, не угадаете никогда! А случилось вот что.

Не прошло и десяти дней, как в самый разгар зимней сессии на пороге во всей своей красе нарисовался наш незабвенный Борик Бешеный. Не успели мы ещё и сообразить, как он бодро допрыгал на одной ноге (и с помощью одного костыля) до своей кровати и начал подробно выкладывать всё своё медицинское досье за истекший период, подробно останавливаясь при этом на мельчайших деталях своих раскрошенных костей и чуть не вылетевшего из черепа мозгового вещества. Но что самое интересное, сопровождал он весь этот рассказ чуть ли не истерическим смехом, заражая и нас такой истерией, что студенческая общага тряслась ещё три дня после нашего хохота и чуть не развалилась на

мельчайшие обломки, но в последнюю минуту пожалела нас, несчастных студентов, и так уже измученных теоремой Коши и историческим материализмом.

Я никогда и никого больше не встречал в жизни, кто о трагическом мог бы рассказать так, что просто умереть можно от смеха. Талант, просто гений рассказа наш Борик! Но и это, друг мой, не самое интересное в Борике Бешеном. Мы больше всего удивились тому, как он, практически всё полугодие не посещая лекций, не ведя никаких конспектов, стартовав только с середины сессии, успешно сдал все экзамены и закончил эпопею вместе с нами. Ну талантище, и только!

Нет, конечно, тут мы, его одногруппники, помогали ему: делились конспектами, подсказывали инвалиду, жертве своего темперамента, в конце концов усыновили его всей командой, когда ему, как члену вполне обеспеченной семьи, не дали права поселиться на двух квадратных метрах студенческого общежития, приютили, разместив на раскладушке (в тесноте, да не в обиде), но всё же мы были удивлены его способностью выходить из кризиса в такой короткий срок.

Тем временем студенческая жизнь шла своим чередом, и незаметно даже для себя мы оказались под всё активнее греющими лучами весеннего солнца. Борик наш по-прежнему плёлся на лекции, всё так же хромая на левую ногу, а иногда даже успевал на первую пару, где он на последних рядах аудитории успешно продолжал спать с открытыми глазами; так же мощно и с таким же усердием храпел в обща-

ге по ночам, к чему мы уже — удивительное дело! — привыкли и над чем только посмеивались, беззлобно шутя про колхозный трактор и продолжающуюся посевную кампанию в одной отдельно взятой комнате студенческого общежития. Посещал Борик больницу регулярно, соблюдал все рекомендации врачей, так же был заряжен неудержимым оптимизмом и даже засобиравшись летом поехать с нами в студенческий стройотряд, куда мы уже вели набор центурионов, но случилось...

Я думаю, нет, я даже уверен, дорогой мой читатель, что вы не поверите, но это случилось... Борику опять сломали руку. Да-да! Именно ту, правую руку, которая почти полгода была закована в гипсовую тюрьму: рентген опять показал, что не туда завернули обиженные куски кости и что плевать они хотели на надежды и чаяния эскулапов. Глубоко вздохнули хозяева скальпеля и опять позвали на помощь скромного обладателя могучих плеч, после чего Борика выгнали из больницы, замазав его истерзанную правую руку свежим раствором гипса и даже не предложив переночевать или попить чайку.

Мы уже не смеялись. У нас закончился смех на эту рекламную пиар-акцию, на сабантуй. Нам стало досадно, что летом не будет с нами Борика, к казусам которого мы уже привыкли и которого полюбили, несмотря на его ночные издевательства над нашими ушами посредством оглушительного храпа, к которому, впрочем, мы тоже привыкли.

Сам же Борик совершенно не унывал и уже на следующий день договорился в деканате, что он пройдёт практику в институтском гараже: уж больно он любил возиться с техникой: хлебом не корми, а дай только покопаться в моторе и мазутом перепачкаться. Об этой страсти его я расскажу позже, а пока хочу вам поведать ещё об одном эпизоде из богатой, насыщенной невероятными событиями жизни нашего друга.

На следующий год Борик всё же попал в стройотряд и, скажу вам, тоже проявил себя с совершенно неожиданной стороны.

Мурманская область. Строительство атомной электростанции. Рядом со станцией возводится городок Полярные Зори для работников атомной промышленности. Мы, студенты, прокладываем в городке бетонные тротуары по северным технологиям. Двор рабочего общежития. Привозят бетон — раскидываем, уплотняем виброрейкой. Шумит последняя, как последняя сволочь. Народ выглядывает в окна, возмущается, матерится безбожно, требует прекратить шум в выходной день. Но мы-то не можем, мы работаем и в выходные, работаем с бетоном, а он, зараза, застывает очень быстро. Выходит из общаги один полупьяный, измученный похмельем гражданин, весь в наколках и со вставными жёлтыми зубами, разбивает бутылку о стену, держит её за горло и с этим лепестком в руках прёт на нас, извергая сквозь редкие зубы густой блатной жаргон и обещая в сию же секунду отправить нас в загробный мир.

Но мы не готовы ещё в загробный мир, потому что у нас тут план горит перед Днём строителя. Борик, который тоже пока не торопится туда, а торопится как раз выполнить план с лопатой в руках, пытается его утихомирить, но, видя перед собой озверевшее существо, делает лёгкое и нежное движение в сторону руки со стеклянным лепестком. Дикий крик, разлетевшиеся осколки стекла, переломанная рука, кровь, милиция, протокол, больница, пятнадцать суток хозяину сломанной руки, благодарность Борику и выполненный план.

Долго мы ещё вспоминали героический поступок Борики, спасшего нам жизнь, и его невозмутимый, с улыбкой, рассказ об этом, а мы ещё и приукрашивали событие, добавляя от себя подробности, на которые способна была наша фантазия, в результате чего вместо одного хулигана получилось два, три, а потом и вовсе целая толпа, что придавало нашему рассказу бóльшую значимость, а Борику — беспримерный героизм. Продолжали рассказывать об этом и в поезде, когда, заработав кучу денег, ехали уже домой, в Минск, — в поезде, где случилась ещё одна забавная история.

Немного выпили, и Борик наш забрался на верхнюю полку, закурил и, как ему и положено было, сразу уснул с сигаретой в руках, да так, что сигарета между пальцами согнутой руки касалась грудной клетки, и он только на следующий день обнаружил у себя на груди глубокий ожог длиной со спичечный коробок, шириной чуть меньше, но тоже впе-

чатляюще. Рука вместе с сигаретой качалась, обжигала тело, а он хоть бы хны — спал и даже не сразу почуял ожог, а обнаружил его только на следующий день, когда на груди уже нарисовалась большущая опухоль со вздутым как шарик волдырём. Такой вот у нас был Борик Бешеный, таким он и остался на всю свою взрослую, а теперь уже и старческую жизнь.

О нашей студенческой жизни, конечно, можно много интересного рассказать, но это может занять немало страниц, и, чтобы не надоедать читателю, я стараюсь описывать только такие эпизоды из жизни моего друга «бедного Борика», которым лично в большей или меньшей степени был свидетелем. Да простят меня наши милые дамы, потому что сейчас речь пойдёт о них. Вернее, об одном эпизоде с ними. Это тоже, уверяю вас, весьма забавно, интересно, любопытно.

Итак, пятый курс. Наши парни как-то резко и неожиданно взяли моду жениться перед самым выпуском, чтобы на рабочее место явиться уже семейными людьми и тем самым придать себе некую солидность в надежде на быстрее получение служебных квадратов. Чуть ли не каждую неделю свадьба. Гуляем, веселимся, пропиваем друзей, несмотря на душераздирающую тревогу о предстоящей защите диплома. На одной такой свадьбе Борик наш танцует и любезничает с молодой дамой броской красоты с длинными, почти до пояса, чёрными выющимися волосами и соблазнительными формами, рвущимися к неугомонному кровавому бою. На вто-

рой день свадьбы Борик излагает мне секретное дипломатическое сообщение: он приглашён в гости к ней с ночёвкой, и я в придачу — для её подруги. Уточняем: она живёт с родителями в частном доме на окраине города, а родители уехали на дачу и приедут только в понедельник. А нам что, двум молодым и пока что подозрительно холостым, голодным до женской ласки мужчинам! Поехали.

Я не стану описывать, какой шикарный ужин устроили нам девочки, до какой степени мы были раскалены и честно отработали положенный в таких случаях джентльменский набор, не скрывая своих восторгов и неудержимого темперамента, поскольку никого я этим не удивлю, но вот на том, что случилось потом, нужно остановиться поподробнее.

Уставшие от ненасытной любви, измученные горячими объятиями своих подруг, мы заснули только под утро и даже не услышали, как во двор частного дома, где мы пировали всю ночь, заехала старенькая легковушка. В лёгком халате, с растрёпанными волосами, перепуганная вчерашняя подруга сильно затормошила Борика, тщетно пытаясь его разбудить, но он оставался невозмутим, пока я не облил его холодной водой из бутылки со стола.

Я уже надел брюки и успел открыть окно в сад, когда Борик только разлепил глаза. Начал он приходить в сознание, лишь когда в дверь стали колотить и угрожать убийством. Подруги наши уже тихо плакали, просили быстрее выпрыгнуть в окно. Я прыгнул первым, показав Борика пример, и

успел пригнуться за кустом в ожидании друга, но Борик замешкался и потерял несколько драгоценных секунд. Сломав дверь в комнату свиданий, на пороге появился отец любвеобильной нашей красавицы и выпалил дуплетом из двустволки в сторону убегающего уже в сад Борика...

В больнице из тела Борика под его весёлый рассказ о нашем аморальном походе за удовольствиями угорающий от смеха медицинский персонал в лице хирурга вытащил целое состояние в виде свинцовой дроби и на несколько дней припаял Борика к больничной койке, приказав лежать перевязанной задницей к потолку, а в общаге нашей из моих уст к вечеру знали уже всё в подробностях и считали нас счастливыми, что унесли ноги и остались в живых. Коварный смех при этом как будто кричал: «Так вам и надо, бабники дуреголовые!»

Недолго нам напоминали о нашем бегстве из запретной зоны: одолевали уже тревоги перед защитой и заботы после получения дипломов — начиналась взрослая и серьёзная жизнь.

Окончили мы институт и на некоторое время потеряли друг друга: у каждого появились свои житейские проблемы, и думать о других не было времени.

Прошли годы, жизнь будто сорвалась с цепи, стала стремительно меняться. Большая наша Родина приказала долго жить. Появились новые понятия в речи простых людей: кооператор, челнок, курс валют, Интернет... И меня вынуж-

денно затянуло в этот водоворот. Искал и нашёл я свой бизнес. Немного оперившись, я почувствовал в себе горькую тоску по своим ребятам-однокурсникам.

«Одноклассники» не помогли: кроме одного из ребят, который тоже знал о наших сокурсниках немного, я не нашёл никого. В поисках каких-либо следов затерявшихся моих одноклассников я нагрязнул на свою бывшую кафедру и — ба-а-а! — нашёл Борика Бешеного, чему и он, и я были сказочно рады. Оказалось (я даже не знал об этом), что наш знаменитый своими приключениями Борик остался на кафедре научным работником и даже замахнулся было на защиту кандидатской, но тут как гром среди ясного неба, с шумом и гамом, новыми идеями и соблазнами, грянула перестройка. Борик тоже не устоял и под натиском ветра перемен сначала сделался кооператором, а позже и вовсе стал претендовать на обладание высоким званием предпринимателя.

Арендовал наш герой один бокс в ведомственных гаражах института и начал создавать собственный бизнес в области ремонта и реставрации легкового автомобильного парка столицы нашей любимой Родины. И должен заметить, что стартовые условия у него были гораздо лучше, чем у Генри Форда в его мастерской с дырявой крышей. Окрылённый идеей и охмурённый розовыми фантазиями, Борик за копейки купил своё первое средство передвижения — проржавевший и с неработающим двигателем продукт отечественного автопрома с уже привычным нашему слуху итальянским именем

«жигули» — с великой целью превратить сие изделие в шедевр на колёсах, чтобы потом продать этот шедевр почти через аукцион и заработать тем самым первый солидный оборотный капитал.

Сидим у Борика в лаборатории, он так же эмоционально и весело, как и в юности, рассказывает о своём увлечении идеей, ну а я, зная Борика и предполагая, чем его афера закончится, уже смеюсь с самого начала. Сам он тоже смеётся как ни в чём не бывало и продолжает рассказ. Короче, Борик с невиданным подъёмом моральных и мобилизацией физических сил взялся за любимое дело — возиться с техникой — и работал как одержимый в течение нескольких месяцев, не видя света. А свет тем временем пробежал мимо него с бешеной скоростью, и Борик только теперь заметил, что кругом всё уже изменилось: цены, предпочтения, вкусы, что капитал, который Борик вложил в дело, — это уже совсем не капитал, а так, слёзы. Незаметно и преступно подкралась инфляция. Но Борик, как и всегда, не сдавался. С целью выручить хоть какие-то финансы для семейной казны он решил выставить на всеобщее обозрение на местном авторынке свой шедевр и, будучи в отличном настроении, полный жизненных надежд, выехал с раннего утра в нужном направлении.

Вы теперь только не смейтесь, дорогой мой читатель. Я тоже не смеялся. Долго не смеялся, держался до тех пор, пока сам Борик со стула чуть не упал от смеха. Ну, тогда и я не

устоял и разразился хохотом, вытирая выступившие слёзы.

В общем, ехал Борик на рынок быстро, как, впрочем, и всегда, а тут откуда ни возьмись выскочила чёрная кошка и прямо под колёса побежала. Хозяин шедевра, даже не успев ничего сообразить, на автопилоте резко повернул руль влево и подставил свой бок под удар объезжающей его на сумасшедшей скорости машины, отчего шедевр Борика отскочил в другую сторону и на полном ходу боднул толстое, мощное стальное основание фонаря уличного освещения...

Очнулся Борик в больничной палате только через несколько дней и не сразу узнал от врачей весьма приятные новости о том, что он только немного порезан в трёх местах, о чём свидетельствовали несколько швов на лбу и щеке; что его нос, собранный из нескольких лоскутков, стал даже красивее, чем был, — хоть на выставку; что вылетевшие два передних зуба — это вовсе не такая уж большая потеря, о которой можно жалеть: челюстной хирург предложит сто вариантов прикручивания к челюсти современных, ослепительно белых зубов, которые сразу омолодят тебя на несколько лет. А ещё от врачей Борик узнал, что, оказывается, ключица его и раньше была сломана и что об этом не стоит даже упоминать, потому что опять заживёт, как и в молодости.

Согласитесь, всё это было довольно приятно услышать от внимательного травматолога в белом халате. О том факте, что грудная клетка Борика от удара о рулевую колонку стала немного меньше в результате хирургического вмешательства

посредством удаления части лёгких, врачи предпочли промолчать из чисто этических соображений, чтобы не очень радовать пациента информацией о желанной потере веса, равной двумстам пятидесяти граммам. Эти приятные новости об остатках здоровья и своём физическом состоянии Борику выслушал, как и всегда он это делал, с улыбкой и как будто даже радовался тому, что попал в аварию и остался в живых.

Но самое приятное было в другом. Самый приятный сюрприз Борику преподнесла служба Горсвета. Вместо того чтобы предъявить иск по полной, Горсвет скромно нарисовал ему сумму, только в два раза превышающую стоимость фонаря и затрат на его замену, — и ни копейки за моральные страдания работников городской службы освещения. Повезло Борику. Очень повезло. Тем более что оплатила все эти счета жена его Лора.

Кстати, о Лоре. Хорошей она оказалась женой, о чём мы и не догадывались, когда знакомились с ней. А познакомились мы с ней при весьма любопытных обстоятельствах. Давайте коротко расскажу об этом.

Была зима. Мы только что сдали госэкзамены, но ещё не приступали к работе над дипломными проектами. Гуляли. Расслаблялись. Я уже не помню, как появилась Лора в нашей студенческой комнате, но хорошо запомнил, что покинуть нас тогда она явно не спешила. В четырёхместной студенческой келье она по очереди арендовала на ночь наши крова-

ти, при этом с удовольствием расплачиваясь с арендодателем лаской и вниманием всю ночь, пока у него хватало сил и желания, попутно хваля своего благодетеля за темперамент и могучую мужскую силу. Днём же она умудрялась ещё и еду приготовить, и убрать наше жилище, и даже в магазин сходить за покупками за свой счёт.

Следующей ночью всё повторялось то же самое, но уже с другим арендодателем половины панцирной кровати. Так жила она у нас недели две или три, точно уже и не вспомню, а потом так же незаметно, как и появилась, исчезла.

Вновь появилась она внезапно только летом, под самую кампанию защиты диплома нашей группой, и появилась уже не одна, а с внушительно выставленным вперёд животом — и с папашей, мужиком весьма солидным, крепким на слова и намерения, который сразу известил нас, что он как минимум искалечит Борику, если тот откажется жениться. «Почему Борику? — подумали мы. — В аренду ведь давали кровати мы все». А потому, оказалось, что Лора только его и запомнила, и указала, что только он является отцом ещё не родившегося человека.

Борик не отказался. Он, по обыкновению, посмеялся, выслушав сурового папашу, и сразу согласился стать отцом, тем более что суровый папаша Лоры обещал свадьбу им сыграть на собственные кровные сбережения, освободив Борику и от дальнейшего поиска жилья для молодой семьи. А почему бы и нет? Лора — девочка весьма даже привлекательная, лас-

ковая и тёплая в постели, хотя и несколько наивная, и безобидное кроткое существо, которое совсем не претендует на роль эмансипе. Жить с такой женщиной, как показало время, оказалось совсем не трудно и даже комфортно, о чём свидетельствовало и наличие у них троих детей. Когда же Борик в очередной раз попал в переделку, она charterными рейсами летала в соседние города и республики и снабжала их товарами из братской Белоруссии (в то время название было Белоруссия, позже стала Беларусь), тем самым быстро собрала нужную сумму для жизни и радости от покупок. Из рассказа Борика я понял, что Лора такая же весёлая и неконфликтная, как и в молодости, а ещё с годами она стала довольно хозяйственной женщиной и внимательной, любящей женой. А мы, его подельники, тихо, но издевательски хихикали над ним, когда он согласился взять в жёны брюхатую неизвестно от кого наивную девушку. А зря, как оказалось. Дай бог каждому такую жену.

Возвращаемся, однако, к нему самому. Все долги Борика перед Горсветом, как мы уже знаем, оплатила Лора, а сам Борик, смеясь и радуясь тому, что ещё числится в живых, быстро пошёл на поправку. После выписки из больницы Борик на некоторое время перестал тратить семейный бюджет на свою очередную бизнес-идею и потихоньку восстанавливался в своём гараже, окунувшись в мазутную стихию и выполняя работы по мелкому ремонту двигателей. Лора тем временем расширила географию поставок, вследствие чего тор-

говый оборот её резко пошёл вверх, и втянула в свой бизнес уже повзрослевших дочерей, а сына, самого младшего в семье, поручила Борику, доверив ему не только воспитание, но и контроль за учёбой и поведением наследника, дабы тот не оскрамил почтенных родителей каким-нибудь недостойным поступком.

Дочери же Борика на славу вышли разумными и жизнеспособными созданиями, вынужденными, как и мать их, самостоятельно устраивать свою судьбу, безо всякой надежды на мужчин как таковых, а на отца тем более. Особенно выделялась в семье старшая дочь: она была красива, статна, не по годам умна и весьма целеустремлённа. «Ну ещё бы! — шутили мы иногда за спиной Борика. — Плод коллективного труда!»

С годами люди вроде как становятся размеренными, спокойными в мыслях, движениях и поступках, и эти определения подходят к нормальным, по нашим, обычным людей, понятиям, но только не к Борику. Борик не был нормальным, он был бешеным в мыслях, поступках, движениях — во всём, и он никак не собирался не то чтобы стареть, а даже повзрослеть не думал ни на йоту! Такой же быстрый, шустрый, молодой и, несмотря на многочисленные записи в медицинской книжке, весёлый и полный грандиозных жизненных планов как минимум на две пятилетки.

Пока Борик утверждался мазутных дел мастером в маленьком арендованном гараже института и мечтал постро-

ить хоть небольшой, но современный завод по ремонту двигателей внутреннего сгорания, ярким пламенем сгорели его мечты и любимое дело, которому он хотел посвятить остаток своей жизни. Лора с девочками преуспели в своём бизнесе, заработали кучу денег, купили шикарный грузовой бус и приказали Борику закрыть своё хоть и любимое, но воняющее мазутом дело и сесть за руль новенького буса и ездить в стольный город соседней дружественной нам страны, где женщины семейства уже открыли пункт оптовой торговли и пару небольших розничных магазинчиков. Борик не хотел бросать свои мазутные дела, сопротивлялся как мог, но три женщины таки уговорили его. Уговорили и глубоко пожалели потом.

Первая поездка в недалёкую страну получилась успешной, и у Борика на щеках появились ожоги первой степени и огромные волдыри от горячих поцелуев своих дам за успех и выход на новый уровень их бизнеса, к которому уже и любимый папик подключился, что придавало совсем другой вес семейному предприятию.

Во второй поездке тоже ничто не предвещало беды, но только вот малость расслабился Борик, уменьшилась высота эмоционального полёта — и заснул Борик за рулём буса от тихого, монотонного шума новенького двигателя, и врезался в задницу стоявшего на обочине большущего пассажирского автобуса международного значения.

Особенный шарм событию придавал тот факт, что слу-

чилось это ночью и за полтысячи километров от семейного гнезда Борики. Стоит ли тут рассказывать о последствиях аварии, я даже не знаю, потому как вы, читатель, зная бешеный темперамент Борики, его совершенное неумение ездить на разумных или хотя бы на указанных дорожными знаками скоростях, сами обо всём уже догадываетесь. Но всё же я коротко упомяну об основных моментах. В общем, вытащить Борику из бывшей кабины буса удалось, только вырезав половину искорёженных деталей с помощью больших ножниц в руках доблестных работников службы спасения.

Доставили его в больницу буквально за полчаса до смерти от потери крови, порезали, вырезали, зашили, законопатили в гипс и стали ждать: выживет? не выживет?

На четвёртый после горячего поцелуя автобуса день Борик открыл глаза и сразу увидел Лору и девочек своих. На вопрос жены: «Как ты?» — он только улыбнулся, потому что не знал, есть ли в его организме хоть одна целая кость.

Лора уже не улыбалась. Она не могла улыбаться. Продав оставшиеся от нового буса лохмотья, она частично заплатила за нанесённый туристическому автобусу ущерб, за задержку рейса на целые сутки, за вынужденную аренду номеров в гостинице для туристов и ещё осталась должна кучу денег. По этой простой причине ей совсем не удавалось радоваться даже тому, что Борик всё же остался живой и что вот он лежит неподвижно и даже улыбается. Только младшенькая дочурка села на край кровати и вытирала слёзы, тихо приго-

варивая: «Папа... Папа...» Папа хотел сказать что-то, чтобы успокоить её, но ни челюсть, ни язык не слушались хозяина, и оставалось ему только слегка улыбнуться.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.